

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК
παραλιγκομένην

Михаил Цетлин
(Амари)
Цельное чувство

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

Михаил Осипович Цетлин (Амари)
Владимир Хазан
Цельное чувство. Собрание стихотворений
Серия «Серебряный век. Паралипоменон»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964871

Цельное чувство: Собрание стихотворений / Общ. ред., сост., подг. текста и комм. В. Хазана.:

Водолей; Москва; 2011

ISBN 978-5-91763-066-3

Аннотация

Настоящее издание представляет собой наиболее полное собрание стихов поэта М.О. Цетлина (Амари) (1882–1945). В него вошли не только все его поэтические сборники, но и стихи, публиковавшиеся в периодической печати, а также переводы. В приложении печатаются очерки «Наталья Гончарова» и «Максимилиан Волошин». Творчество Цетлина (Амари) – неотъемлемая часть искусства Серебряного века и истории русской поэзии XX века в целом.

Содержание

Стихотворения. 1906	7
К солнцу свободы	7
В Париже	8
«Мы не можем терпеть, не хотим мы молчать!..»	10
Morituri	11
I. «Вы не хотели пить по капле...»	11
II. «О, нежная, белая лилия...»	11
III. Б – у	12
IV. «Раздался выстрел! Словно грянул гром...»	12
V. Орел в плену	13
VI. Памяти Народной Воли	14
Аист	16
Страх	18
«Проклятие вам, наступившим на грудь...»	19
Борцу-рабочему	20
П.С. Поливанову	22
Смерть невесты	23
На смерть гражданина	25
Мир	26
Ямбы	27
Борец	29
«Я давно уже не был так счастлив, так светел...»	30
Памятник	31
Лирика. 1912	34
Вступление	34
«Снова, как складки покрова, свивается...»	34
«У деревьев весною кору надрежь...»	34
«Звенит, звенит моя душа...»	35
У Венеры Милосской	35
«О, желтенькая птичка канарейка...»	36
Вдохновение	37
«Золотую кудель еще ткут веретенца...»	37
«О, дай мне, Боже, сил и времени...»	37
Блаженных снов испуг	38
I. Блаженных снов испуг	38
«Пришла ко мне, мой светлый друг...»	38
«В моей душе живет великое...»	38
«Тебе, душа, со мной сплетенная...»	38
«О, это гордое одушевление!..»	39
О счастье	39
Сон	40
Март	41
В дороге	41
«...Я чувствую утром еще полусонный...»	42
«Знойный день догорал, догорал...»	42
«Друг мой...»	43

II. Радость	44
«В первый раз я взглянул на тебя...»	44
«Скучно светит мне солнце...»	44
«Я хочу любоваться тобою без слов...»	45
«Я возьму твои руки...»	45
«Я люблю тебя, слышишь...»	46
«Ночь...»	46
«“Радость моя”...»	47
«Мы сидим вдвоем...»	47
«“Я твоя” – ты сказала мне...»	48
«Когда ты уходишь...»	48
«Когда ты уходишь...»	48
«Отдохни, моя милая...»	49
«Дождь, дождь...»	49
«Я ехал к тебе на пароходе...»	49
III. Боль	50
Расставанье	50
«Безнадежность глядела мне в очи...»	51
I. «Особым знаком отмечает кровь...»	51
II. «Так легко, легко и просто...»	51
«В мире прочного нет ничего...»	52
«Тяжело идти, тяжело идти...»	52
«Испил ты эту чашу до конца...»	53
«С средней долей не могу я примириться...»	53
«Скоро, скоро, скоро...»	54
«Ты сегодня сладостно прекрасна...»	54
«Я покоряюсь: горький случай прав...»	54
«О, бедный друг мой милый...»	55
«Всем уставшим легче было прежде...»	55
Вечер	56
Разные	58
I. Море	58
«Холодный ветер в лицо нам веет...»	58
Кубок вод	58
Утро	58
Волны	59
«Море ночное бьется волною...»	60
«Даль моря синее безгранная...»	60
Эллада	61
II. Разные	61
«Благословлял я желчь, полынь и омег...»	61
Тебе	62
«Ты светлый дух, чьи крылья белые...»	62
«Вечерами весенними долго она...»	63
Старая дева	63
Роденбах	63
«Огненный ангел» Валерия Брюсова	64
«Вдали закат мерцает...»	64
В безвременье	65

«Он ушел на утренней заре...»	65
«Верю в светлого ангела...»	66
«Меня ты спрашиваешь, отчего...»	66
Танцы	67
«Вечерние улицы жутки...»	70
В Швейцари	70
Флоренция	71
III. Переводы	71
Музыка	71
Гребец (Le passeur d'eau)	72
Чайльд-Гарольд (На смерть Байрона)	74
IV. Picicato	74
Анемоны	74
«Твои глаза так пепельно-серы...»	75
«Милый ангел, ты слишком добра...»	75
Picicato при луне	75
Première communion	76
Айседора	77
Глухие слова. 1916	82
I	82
II	83
III	84
IV	85
V	86
VI	87
VII	88
VIII	89
IX	90
X	91
XI	92
XII	93
XIII	94
XIV	95
XV	97
XVI	98
XVII	99
XVIII	100
XIX	101
XX	102
XXI	103
XXII	104
XXIII	105
XXIV	106
XXV	107
XXVI	108
XXVII	109
XXVIII	110
Переводы. Из Гёльдерлина (1770–1843)	111
I. К Паркам	111

II. «Душа приятное в сей жизни уж вкусила...»	112
III. «Увесили вы берег...»	113
IV. Вечерняя фантазия	114
V. Прощанье	115
VI. «В молодые годы был я так утру рад...»	116
Прозрачные тени. Образы. 1920	117
«Благословляю малый дар...»	117
«О чем-то светлом все еще мне снится...»	118
«Нет ничего в душе моей, что б людям рассказать...»	119
«Мы в пуховом уюте гнезд...»	120
«За стеною я слышу чтение...»	121
«Ты спишь неслышно рядом...»	122
Ожерелье	123
«Я не знаю, играет ли сладостный хмель...»	124
Гроза	125
Закат	126
Рондель	127
К книге «Рондо ронделей»	128
«Не все ли равно мне, где жить и томиться...»	129
Возвращение	130
«Не в светлый год, а в скорбный год...»	131
«И вот опять, вот опять мы здесь, в Москве, с тобой...»	133
«О, что здесь есть, кроме усталости?...»	134
Ночные тени	135
Перед отплытием	136
В Японии	137
I. Рисовые поля	137
II. Токио	137
III. Сайонара	137
«О, стихи, вы никому не нужны!»	139
Образы	140
Сезанн	140
Ван-Гог	141
В Пушкинском музее А.Ф. Онегина	141
I	141
II	141
Продавец картин	142
Париж	143
Памяти Яковлева[1]	144
Пленные	144
Марат	145
Принцесса Луиза	146
Кавалер	146
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Михаил Цетлин (Амари)

Цельное чувство

Стихотворения. 1906

К солнцу свободы

В страстном порыве руки простерла
Родина к небу – горит ее взгляд.
Пушек наведены мрачные жерла
С окриком грозным: «назад!»
Слышите гимна вы мощные звуки?
Солнце вы видите ль в прядях волос?
К счастью ведет ее, к счастью сквозь муки
Бог-Гелиос!

Он в золотой из лучей багрянице,
Мерно по небу свершая свой путь,
Вздумал, бессмертный, сойти с колесницы
В сердце ее заглянуть.
Видно, угодно судьбе было мудрой,
Чтобы он новое сердце зажег,
Чтоб целовал ее златокудрый
Юноша-Бог.

Вот почему льется алой рекою,
Жертвенно-чистой, сынов ее кровь:
Сердце им жжет лучезарной тоскою
К солнцу, к солнцу любовь!
К смерти бесстрашно идут их когорты,
Блещут на солнце ярко мечи,
Очи горят, руки к небу простерты,
В сердце – солнца лучи!
Юные очи оно ослепляет,
Всю заливают небесную твердь.
Жгучую жажду их уст утоляет
Только смерть!

В Париже

Весенним солнцем ярко залитой,
Движенья, мощи шума, блеска полный,
Нарядною сверкая красотой,
Катил Париж людские толпы-волны —
И трепетал, и искрился, и жил,
И я его дыхание сторожил,
И радостно, и с светлым восхищеньем
Весь отдавался первым впечатленьям.

Казалось мне, кругом, над головой
Здесь реют тени мертвецов Коммуны,
И дышат кровью камни мостовой,
И глубоко волнует сердца струны
Июльских память и февральских дней;
И память той грозы, еще грозней,
Когда чело властителя народа
Поцеловала в первый раз Свобода.

Величьем поражающий народ!
Величьем вдохновенья и порыва!
Тебя всегда история зовет
Для первого удара и для взрыва.
Ты часто рабски гнет переносил,
Но вдруг вставал, весь в блеске юных сил,
И искра гнева, вспыхнувши во взорах,
Как будто скрытый зажигала порох.

И ты бросал потоки гневных масс
Из темных, грязных улиц Антуана,
Как волны в грозный наводненья час,
Как лаву вновь гремящего вулкана.
Ты разрушал чертоги короля,
Ты умирал, пощады не моля,
И на призыв Камилла Демулена,
Шел узников освобождать из плена.

И думал я: когда же, о, когда
И камня не останется на камне
От серого проклятого гнезда
Бастилии родной? Как дорога мне,
Как мне свята мечта о светлом дне,
Когда в могильной страшной тишине
Раздастся крик свободного народа:
«Для узников измученных — свобода!»

О, знаю я, что мой народ – не раб,
Он борется, он ищет прав свободных.
Недаром же испуганный сатрап
Дрожал от криков грозных всенародных
В дотоле верной, преданной Москве.
И крик тот отозвался на Неве
И прокатился мощно по России,
Как первый всплеск взволнованной стихии.

Средь чуждого народа здесь, вдали,
Моя душа всю веру сохранила
В народ другой, народ родной земли.
Таится в нем неведомая сила
Для лучших, светлых будущего дней:
Он чувствует и глубже, и сильнее;
Он светится любовными лучами;
Хоть и трудней зажечь в нем гнева пламя, —

Но день пришел, и вспыхнуло оно
И в каждом ярко загорелось взоре.
Да, моему народу суждено
До дна испить всю чашу бед и горя;
Но все-таки светла его судьба,
Быть может, закалит его борьба
И сделает могучим исполином
И вознесет к сияющим вершинам,

И над его победной головой
События пройдут волшебным роем,
И новой, светлой драмы мировой
Вершителем он станет и героем.
Кипит в нем сил неиссякаемый родник,
И этих толп людских мятежный крик,
И грозный, и властительно суровый, —
Лишь эхо жизни будущей и новой.

«Мы не можем терпеть, не хотим мы молчать!..»

Мы не можем терпеть, не хотим мы молчать!
Наложить на всю жизнь нашей мысли печать,
Чтобы в наших руках и заздравный бокал,
И могучий топор разрушенья сверкал!
Чтобы гниль мы рубили до корня с плеча,
Чтоб бурлила в нас кровь, как руда, горяча!

Эй, товарищ! такой же, как я, дровосек, —
Что за дело, что будет недолог наш век!
Может быть, нас задавит подрубленный дуб,
Черный ворон, взлетевший злорадно на труп,
Каркнет злобно... Ну, что ж, наша смерть – не беда:
Сколько воронов злобных лишилось гнезда!!

Morituri

I. «Вы не хотели пить по капле...»

Вы не хотели пить по капле
Мятежной юности вино:
Кто медлит, тот душой не слаб ли?
И все равно, так близко дно!

И свой напиток драгоценный
Сгустили вы в один бокал,
Чтоб он в короне алой пены
Как зачарованный сверкал.

«Пусть нас не минет наша чаша,
И не горька она для нас!»
Такой была молитва ваша
В ваш страшный час, боренья час.

И вы бестрепетно коснулись
Устами жадными краев,
И вы концу не ужаснулись,
Пошли на тайный властный зов.

И стали светлы миги ваши,
И светел каждый беглый час.
И небо чище, розы краше,
Светлей улыбка женских глаз.

Привет тому, кто бурной влагой
До края налитый бокал,
Исполнен бешеной отвагой,
Безумно щедро расплескал!

Привет тому, кто не по капле
Пьет быстрой юности вино!
Кто бережет, душой не слаб ли?
И все равно, так близко дно!

II. «О, нежная, белая лилия...»

О, нежная, белая лилия,
В алеющих крапинках ты.
Так алые губы насилия

Касаются душ чистоты.

Есть души белее, чем лилия,
Из Света, Мечты и Любви,
И все же их нежные крылья
Влачатся в пыли и в крови.

Мне жаль вас, о, души лучистые!
Как русская жизнь жестока!
Кровь брызжет на самые чистые,
Мрачит белоснежность цветка.

III. Б – у

Б – у

Мне казалось порой, что задумчиво кроткий
С нежным, женственно нежным лицом,
Окаймленным чуть видною, мягкой бородкой,
Ты совсем не рожден быть бойцом.

И когда бы не виделась гордая складка
В этих сжатых губах мне подчас,
И мятежный огонь не мерцал бы украдкой
За фатой серо-дымчатых глаз, —

Я бы горько жалел, что овев ты светом
Умирающей, ранней зари,
Что неведомый голос с нездешним приветом
Говорил тебе в сердце «умри».

Я бы горько жалел, что не повестью бледной,
О, мой юноша с тихим лицом,
А была тебе жизнь эпопеей победной
С гармонически грозным концом!

IV. «Раздался выстрел! Словно грянул гром...»

Раздался выстрел! Словно грянул гром
Над палачом грозы последней!
И умер он, как жил, тираном и рабом,
Пред совестью своей и пред людьми лжецом,
И умер он, как жил, — в передней.

И наш герой погиб: бездушен произвол,

Крепка твердыня зла и гнета!
Рой нерасцветших дней и грез с собой увел,
Но смертью он к бессмертью перешел
По траурным ступеням эшафота!

3 апреля 1902 г.

V. Орел в плену

Поймали, поймали! попалась добыча!
Смеются враги над орлом.
При звуках победного, дивного клича
Он машет разбитым крылом.

Поймали, поймали! борьба бесполезна —
Напрасно он гневно клюет
Тяжелые прутья решетки железной
И грудью с размаху в них бьет.

Напрасны усилия – поломаны крылья!
Смеются враги над орлом.
И грустно, в сознании немом бессилья,
Глазами он водит кругом.

.....

Поймали, поймали! товарищ погибший,
Наш гордый, наш вольный орел!
Ты жизнь и свободу так страстно любивший —
Навек ты из жизни ушел.

Ты сам себя отдал на жертву народу,
Ты знал, что судьба тебя ждет.
Ты знал, что тебе из тюрьмы на свободу
Один только путь – эшафот.

Исполнены гневных, бессильных проклятий —
Чего бы не отдали мы,
Чтоб вырвать тебя из смертельных объятий
Твоей одичалой тюрьмы...

Но поздно. Уж скоро змеею жестокой
Совьется вокруг шеи – петля.
Так пусть за тюремной оградой высокой
Легка тебе будет земля!

Ты там отдохнешь от великой безбрежной
Печали родимой страны.

Пусть снятся ж душе истомлено-мятежной
Одни безмятежные сны.

Ей долго звучали свободы напевы,
Она была страсти полна,
Любви, и печали, и бури, и гнева! —
Придет тишина... тишина...

Май 1903 г.

VI. Памяти Народной Воли

*Живите и торжествуйте! —
Мы торжествуем и умираем.
Из завещания Баранникова*

Все, все они умерли!
Они были такие же, как мы,
Только выше и чище душою,
И все они умерли...

Никогда,
Никогда в истории человечества
Не было такой героической,
Такой титанической борьбы!
Эта кучка юношей и девушек
Думала дать счастье
Целому Великому народу!
И все они умерли...

Свет, который манил их,
Был не брезжущей утренней зарей,
А холодным светом северного сияния.
И холод смерти окутал их,
И мрак вечной ночи
Закрыв их очи навеки.

Хорошо, что они умерли!

Смерть-избавительница
Закрывала глаза, сиявшие светом надежды,
И целовала уста, шептавшие слова привета,
И останавливала радостный стук сердца.
И когда приходили тюремщики
В камеру скончавшегося узника,
И когда палачи снимали с петли свои жертвы,
Они удивлялись
Спокойной ясности чела

И радостной улыбке на устах.
Хорошо, что они умерли, —
Умерли, торжествуя!

Они спят в сырой земле.
Но земля,
Политая их кровью, засеянная их костями,
Дала пышные всходы
Борьбы, героизма и мужества.
Сколько лет лежал под землею посев!

Как страдали бы они в эти долгие годы!
Хорошо, что они умерли!..

Аист (с венгерского)

Уж повеяло ранней весною
И фиалки в лесах расцвели.
Высоко, высоко над землею
Из далекой полдневной земли
В край родимый летят журавли.
Вот еще перелетные птицы,
И еще, и еще вереницы.
С светлой радостью каждый я год
Их встречаю обратный прилет.

Каждый год, лишь сугробы растают
И на реках лишь тронется лед,
Стаи целые птиц направляют
К нам на север свой быстрый полет.
Что их гонит и что их здесь ждет?
Или, может быть, страстно, глубоко
Они любят отчизны далекой
Пусты дикие так же, как я?
Дорога им отчизна моя?

Каждый год тот же аист на крышу
Вновь садится. Я вижу, как лист
Иль солому он носит, но слышу
Только крыльев размашистых свист,
Редко голос – он мало речист.
Милой крикнет любовно, игриво
И потом уж стоит молчаливо
На одной лишь ноге, на трубе,
Горд, спокоен, уверен в себе.

И когда для далекого юга
В том году он наш край покидал,
Я, как старого, милого друга,
С нежным смехом его провожал:
Смех мой светлой надеждой звучал.
Говорил я: для родины бедной
Час настал, час великий, победный,
И когда ты вернешься назад,
Ты свободе, как я, будешь рад.

Вновь цветы на полях распустились,
Реки тронулись, к крыше моей
Перелетные птицы спустились.
Аист милый, лети поскорей

Ты в тот край, где теперь веселей.
Ведь поля эти – гробы да гробы
Павших жертвою вражеской злобы,
А в реках не вода – это кровь
Тех, кто жизнь погубил за любовь.

За любовь к своей родине бедной.
Ведь на этих полях сражены
Под рукою чужою победной
И ее уж не встанут сыны.
Ты счастливец, ты две стороны
Называешь родной стороною.
Улетай! Я же страстной душою,
Я одну лишь люблю, да и та,
Видно, Богом самим проклята!

Нет уж мест по галерам, темницам,
И венгерцев теперь из темниц
Выпускают и шлют их к границам,
И на землю у этих границ
Упадают изгнанники ниц.
На пути ты их, может быть, встретишь,
Ты узнаешь их, ты их заметишь
По печали их сумрачных лиц
И по взорам тоски без границ.

И расскажешь ты им, как от гнева
Мы сжимаем в тоске кулаки,
Как идут в монастырь наши девы
И как рады у нас старики,
Что года их кончины близки.
И как матери слышатся стоны,
Как рыдают в отчаяньи жены
И боятся рожденья детей,
Обреченных рукам палачей!

Об одном лишь молчи, ради Бога!
Что забывших про долг и про честь
Беглецов и предателей много
У несчастной их родины есть;
Что трусов малодушных не счесть;
Но что больше всего равнодушных,
Беззаботно насилью послушных:
Про позор их родной стороны
Пусть не знают несчастья сыны!

Страх

В его домах, в его дворцах
Насилью весело живется —
И лишь никем не зримый страх
В его покои проберется.

Он не стучится у ворот,
Сквозь стены толстые проникнет,
И часового «кто идет?»
Его тревожно не окликнет.

Он заползет змеей в сердца,
Ему глумиться не наскучит,
И тихой мукой без конца
Он до конца трусов измучит.

При виде бледного чела
Зальется он злорадным смехом,
И нет предела, нет числа
Его забавам и потехам.

А, негодяи, вот оно,
Безгласных жертв немое мщенье!
Над тем, что вами свершено,
Не покаянье, но смущенье.

Нет, слишком милосердна месть,
Великодушна, быстротечна:
Она спешит вам смерть принести —
Смерть коротка, забвенье вечно.

Иди ж вперед, могучий Страх,
Неси им долгое мученье!
Живи в дворцах, цари в сердцах,
А за тобой — придет и мщенье!

«Проклятие вам, наступившим на грудь...»

Проклятие вам, наступившим на грудь
России железной пятою!
Вы ей не давали свободно вздохнуть
Измученной грудью больною;
Сыновнею ей нанесли вы рукой
Кровавые раны и грубо,
И нагло смеялись над скорбной мольбой,
Кривившею бледные губы!

Бесстыдной рукой вы с нее совлекли
Живые ее одеянья.
И скуден убор истощенной земли —
Зеленые, желтые ткани.
Поругана нежных нарядов краса!
Для вашей безмерной наживы
Уж срублены сталью бездушной леса
И выжжены желтые нивы.

Дурманом вы долго поили ее,
Чтоб сгинула гордая сила,
Чтоб родина рабское иго свое
С покорностью рабской сносила.
Вы грязною тряпкой заткнули ей рот,
Чтоб всюду царило молчанье,
Чтоб не были первым ответом на гнет
Ни стон, ни мольба, ни роптанье.

И тихо лежала немая страна,
Лежала, как труп, без движенья.
И боли застыло средь мертвого сна
На бледном челе выраженье.
Казалось, развязка близка уж была
И был уж конец неминуем —
Вдруг Гений Свободы, коснувшись чела,
Ее оживил поцелуем.

И вот засияли, открывшись, глаза
Сиянием трепетным гнева,
И в сердце ее зашумела гроза
И громов свободы напевы.
Им звон разбиваемых вторит оков,
И дрогнула подлая свора
От первых свободой дышащих слов,
От первого грозного взора!..

Борцу-рабочему

Ты, грозной мести Бог, библейский Бог!
Тебя отверг я в гордом самомнении.
Не то теперь: теперь я изнемог
От рабских слез, в бессильной жажде мщенья,
И я теперь опять перед тобой
Готов смиренно преклониться,
Готов просить тебя, готов молиться
С такой же детской мольбой.

Дрожал я в детстве, слушая, как ты
Там, в книге древней и могучей,
В сиянии праведной и грозной красоты
Грозами говорил из тучи.
Ты нечестивцев поражал
Стрелами молний с небосвода.
О, как ты гнал, как унижал
Врагов избранника-народа!

И если ты не сон, не лживый детский сон,
Зачем народ, народ-избранник,
Так бесконечно унижен —
Он, жалкий нищий, вечный странник?
И доля злобного гоненья
В удел страдальцу суждена,
И пьет он чашу униженья,
И далеко еще до дна!

Когда же больше он терпеть не может,
Его раздавят грязным сапогом
И надругаются над связанным врагом,
И опозорят, уничтожат...

И под солдатскими ногами —
Бездомный гость чужой земли —
Он задыхается в пыли,
Смоченной жгучими слезами,
И солнце полуденным зноем
Его безжалостно палит.
И, кажется, лишь смерть своим немим покоем
Его страданья утолит...

Но нет, он жив, он жив, народ гонимый!
В его рядах борцы-герои есть,
И в их сердцах, как и они, незримо
Жива отмстительница-честь.

За кровь униженного брата,
За все мученья, весь позор
У палача потребовал расплаты
Герой-рабочий. Грозный приговор
Над ним свершен, но если на отчизне
Не все погибнет в тягостной борьбе,
Она, воскреснув к новой светлой жизни,
Не позабудет о тебе.
Да, умер ты, но вновь я полон веры,
Что весь народ несчастный не умрет,
Он, презираемый, униженный без меры
И героический народ!
Товарищ светлый, песнею прощальной
Почтим мы все страдания твои,
Последней песней, скорбной и печальной,
Последней песней радостной любви!

П.С. Поливанову

И жизнь кипит, и солнце светит...
Страдалец узник воли ждет,
Но вместе с волей смерть придет,
Его у двери к воле встретит.

А жизнь кипит, а солнце светит...
Не изменилось ничего.
Жестокой смерти торжество
Толпа людей едва заметит.

Зачем, зачем?... о, кто ответит!
К чему он жил, чего он ждал,
Зачем он столько лет страдал?
А жизнь кипит, а солнце светит!..

Смерть невесты (Из прошлого)

Не на брачном пиру, а в гробу на яру
Лежишь в подвенечном ты платье,
И огромный сугроб, как жених, взял твой гроб
В свои ледяные объятия.

Разрешенья печать, словно нежная мать,
Тебя уж коснулась неслышно,
И как гость роковой, лишь червяк гробовой
Пирует на свадьбе той пышной...

...Над тобой наверху, над тобой наверху
Целуется солнце с землею.
И мороз-чародей обнимает людей,
Целует с улыбкою злою.

И рокошет тайга, и белеют снега,
Целуются сосен вершины.
Буйный ветер степной гнет могучей рукой,
Гнет долу дубы-исполины...

...А в туманной дали, а в туманной дали
Там серого камня громады,
Там сжимают людей кольца ржавых цепей,
Объятия высокой ограды.

Там сквозь окна порой, хоть корой ледяной
Покрыты они и решеткой,
Видно цепи кольцо, иль мужское лицо,
Лик женщины нежной и кроткой.

И глядят они в даль, чтоб рассеять печать,
На крест, на яру одинокий,
На ряды снежных гор, им закрывших простор,
Путь в край дорогой и далекий.

И порой на глаза набегают слеза,
Рисует слеза жгучей муки
На окне кружевной узор ледяной
Иль греет холодные руки.

Это плачут они, что так хмуры их дни,
От каменных страшных объятий
Стынет, стынет их кровь и бледнеет любовь,
И нет даже страстных проклятий...

На смерть гражданина

Кто знал, что смерть уж, притаившись, ждет?
Не в старости под бременем страданий, —
Теперь, в расцвете сил и упований,
Его чуть слышно за руку возьмет,
Стан нежно обоймет и уведет?..

Прекрасна смерть солдата на войне,
Есть смерть еще славнее и ужасней,
Но ничего нет выше и прекрасней,
Чем так сгореть на внутреннем огне
И гнева, и любви к родной стране.

Нет, не коварный враг его убил,
Не под чужою он погиб рукою, —
Но он с такой безумною тоскою
Измученную родину любил,
Что сам себя сознательно губил.

О, не щади больного сердца ты!
И сердце билось скорбью и любовью,
И истекало, исходило кровью,
И порвалось... Как много красоты
В твоей кончине, полной простоты!

За другом и защитником своим
Шли гвардии свободной батальоны.
Студенчество различные знамена
Все, как одно, склонило перед ним,
И мы благоговейно преклоним

Знамена перед памятью того,
Кто по идеям был нам иноверцем,
Пред этим мук не выдержавшим сердцем!
Придем на грустной смерти торжество
И скажем палачам: «Не все мертво!»

Вы рады, что один погиб, ну что ж!
Нас тысячи, и нет нам равной силы!
Недаром же у дорогой могилы
Живым венком стояла молодежь, —
И в этих сотнях тысяч – ты живешь!

Мир

Окончено страшное дело войны.
Над родиной веет минутной отрадой...
Лишь в братских могилах далекой страны
Спят мертвые – хмуры, недвижны, не рады...

Окончено страшное дело войны,
И утро разбило полночные чары,
Какие кровавые снились нам сны,
Какие виденья, какие кошмары!

Газеты болтливо приветствуют мир,
Взаимным обманом горды дипломаты,
Спешит на «подъеме» нажиться банкир
И плачут от счастья солдаты!

И солнце сияет как будто светлей,
И ярче, о ярче, чем солнца сиянье,
Сиянье бесчисленных глаз матерей...
Грохочут вагоны, поют при свиданье.

Окончено страшное дело войны...
О, Боже, кому это было все надо?!
А мертвые видят угрюмые сны,
Безмолвны, недвижны, не рады...

Август 1905 г.

Ямбы

(Посв. Тр....)

...Он вырос в той семье, где злобный произвол,
Борясь с растущей силой вражьей,
Одну из злых собак себе уж раз нашел
Из псов цепных на гнусной страже.

Он вырос в той семье, где совесть – звук пустой,
Где вместо чести – дисциплина,
Где признают один закон, закон святой:
Кулак и волю господина.

Он вырос в той среде, где презирают труд,
Где люди дики, нравы грубы,
Где взятка – институт, где взятками живут,
Девиз и лозунг: «в морду, в зубы».

Он вырос в той среде, где знают слово честь
Лишь в сочетаньи: «честью просят» —
И где считается бесчестным не донести,
И где по долгу все доносят.

Охота за людьми их развращает всех,
И пусть те люди только воры,
Но все ж их ремесло, пред вечной Правдой грех:
Быть у богатой – гончей сворой...

.....

...И рано дух семьи уж научил его
Народ глубоко ненавидеть,
Глубоко презирать, и более всего
В нем средство к личным целям видеть.

Ведь в доме у отца застенки, может быть,
С невинной детскою был рядом,
И душу детскую порок уж стал губить
Своим чуть видным, тонким ядом.

Быть может, близ нее ужасный не смолкал
Крик от жестоких избиений,
И рано детский глаз к картинам привыкал
Нечеловеческих мучений...

.....

...Фортуна в первый раз явилась ему —
Она играть ведь любит в жмурки —
Не удивитесь вы, наверно, ничему:
Под звуки легкие мазурки.

Под топот каблуков и под бряцанье шпор
Она его поцеловала
И под незначущий и скучный разговор
Ему о будущем шептала.

И стала жизнь его напоминать с тех пор
Мазурки танец легкий, бурный,
И стала, как и он, полна бряцанья шпор,
Такой же светлой и бравурной.

И если наступал средь вихря танца он
Ногой окованной солдата
На веру, на права, на совесть, на закон,
На все, что дорого и свято, —

Так что ему закон и что ему народ,
Людская кровь, людское счастье, —
Когда его девиз: туда, наверх, вперед!
Погоня жадная за властью.

И он взлетел почти на министерский стул
На невзорвавшемся снаряде...
Быть может, он влиял, как злобный тарантул,
Жестокостью во взгляде,

Иль ограниченной тупою прямою,
Самоуверенной и быстрой, —
Но только — человек с святою простотой
И головою не министра —

Над всею Россией он на миг единый стал,
Над всею страной старший дворник,
И он уже хотел, и он уже мечтал
На всю страну надеть намордник.

Как вдруг...

Октябрь <1906>

Борец

Гневной страстью сердце полно!
С гневной властью крови волны
То прильют, то отольют:
Не хочу в тюрьму идти я —
Жизнь-борьба моя стихия, —
Мой святой не кончен труд.

Буду рваться я из плена,
Буду я в немые стены,
В дверь тяжелую стучать,
Буду к воле я стремиться
И о мщении молиться,
Буду бешено кричать!

Возмущенья гневный пламень
Не прожжет холодный камень,
А сожжет лишь сердце мне...
И не вспыхну я, сгорая,
И сгорю, не зажигая,
На невидимом огне.

«Я давно уже не был так счастлив, так светел...»

Я давно уже не был так счастлив, так светел,
Я так горд уже не был давно!
Я в себе драгоценность открыл и заметил —
Счастье мне пережить суждено.
Может быть, ненадолго, на беглый и краткий,
На восторженно-радостный миг
Вдруг забил в моем сердце неведомо сладкий
Чувства нового новый родник:
Радость бешеной страсти, восторги стремленья,
Радость твердого слова: хочу.
Я как будто бы в чистый эфир опьяненья
На невидимых крыльях лечу!
Я доверился их благодатному взмаху,
Я безумье полета постиг —
Пусть несут меня крылья, несут — хоть на плаху!
В небесах был я гостем — на миг.

Памятник

Париж, как безбрежное море, бурлит
И толпы людские, как волны, катит,
И, режа живые те волны,
Фиакры мелькают, как челны.

Как чайки над морем – слова над толпой,
И шуток порхает сверкающий рой
Немного цинично-фривольных.
Не видно в ней лиц недовольных.

Как пена, над нею ласкающий смех,
И все так изящно: смеющийся грех,
И эти фривольные шутки,
И даже в толпе проститутки.

Обманна веселая эта волна,
Вливается в зданья и меркнет она:
В них люди страданья скрывают,
В толпе ж они все забывают.

Взгляни: на одной из больших площадей,
Средь стука фиакров и смеха людей,
Близ улицы грязной и бедной
Вздывается памятник медный.

Отлитый из меди народный трибун,
Пятою могучей ступив на чугун,
Стоит, как скала, непреклонно...
На цоколе – имя Дантона.

Солдат-барабанщик склонился у ног.
Совсем еще мальчик, он весь изнемог,
Он ловит трибуна движенья,
Он ловит лица выраженье.

Молчит изваянье, но мощная страсть
И в жестах, и в позе – безбрежная власть —
Зовет он рукою из меди
Солдата к борьбе и победе.

А рядом другой наклонился солдат;
Каким вдохновеньем горит его взгляд
Отточено-острый, как шпага!
В нем юности гордой отвага.

О, вы, изваянья прошедших времен!
Ты, юный солдат, ты, могучий Дантон!
Как страшно вы близки мне оба
Всей жизнью своею – до гроба!

Ведь оба погибли безвременно вы
И буйной своей не снесли головы,
И умерли гордо и смело
За то же великое дело.

Не знаю, как умер безвестный солдат.
В Париже ль, в огне и дыму баррикад,
Средь сотен его инсurreкций,
В борьбе героических секций,

В швейцарских горах, средь немецких полей,
В великой борьбе против всех королей,
Где он совершал святотатство,
Борясь против братьев – за братство...

Дантона ж под нож гильотины послал
Суд грозных врагов; словно лев он стоял
Пред судьями гордо своими.
– Занятия, родина, имя? —

– Обычны вопросы... «Зовусь я Дантон, —
То имя мое перейдет в Пантеон!
Сегодня тюрьма мне жилище,
А завтра, быть может, кладбище».

Вы знали пред смертью, что смертью своей
Куете вы новую жизнь для людей,
Куете горячею кровью,
Куете великой любовью.

О, вы, сокрушители тяжких оков.
Как вас обманул ваш таинственный зов:
Вы новую жизнь нам сковали,
Но ту ль, о которой мечтали?!

Жизнь грубых солдат, проституток, купцов,
Чуть видных лачуг и кричащих дворцов,
Ту жизнь, что кипит, торжествуя,
Вокруг этой медной статуи.

...Мы так же спокойно и гордо умрем,
И знаю, что нашею смертью куем,
Куем мы свои идеалы
В упругие жизни металлы —

И нам покорится упорный металл...

Лирика. 1912

Вступление

«Снова, как складки покрывала, свивается...»

Снова, как складки покрывала, свивается,
Легким дымком в небесах расплывается,
Тяжкий и душный,
Злобный и черный,
Душу мою обнимающий чад.
Если тем чадом душа одевается, —
Словно налетом в ней все покрывается,
Жизнь станет скучной,
Радость позорной,
Сердца ключи не журчат, замолчат.

Снова в душе зазвенели созвучия
Нежно-певучие
— Флейты и скрипки
Не умолкают, —
Снова поет и трепещет душа;
Дети восторга и легкого случая,
Снова слова многоцветные, жгучие,
— Сердца улыбки —
Ярко сверкают,
Льются, и бьются, и рвутся спеша!

«У деревьев весною кору надрежь...»

У деревьев весною кору надрежь,
У клена, у белой березы, —
Сладкий ток потечет, упоительно свеж,
Как внезапные светлые слезы.

Сердце, сердце поэта любовью рань, —
От весенней, томной болезни,
С тяжелой болью, — душа, трепетать перестань! —
Источатся светлые песни.

«Звенит, звенит моя душа...»

Звенит, звенит моя душа,
Как ломкий лед весной,
Когда, туманной мглой дыша,
Мы слышим, как бегут спеша
Осколки брони ледяной,
Разбитые весной!

Звенит, звенит, поет, поет,
Как горные ключи,
Когда, размыв снега и лед,
Текут, бегут, поют с высот
И пьют алмазные лучи,
Лучи – весны ключи!

Вся напряженная звенит,
Как светлый звон сквозь сон,
Но недалеко ее зенит
И солнце не на век пьянит, —
Там, где певучей бездны стон,
Там, в темных водах, – сон.

1911

У Венеры Милосской

Плюш диванов, говор иностранный,
Холод стен и мутный день в окно.
Греческой богине осиянной,
Верно, неуютно и темно.

Голову откинув на потертый
Бархат, Гейне, старый и больной,
Здесь сидел и плакал, распростертый
Пред твоею ясной белизной.

О грехах он плакал пред тобою,
И о том, что стар он и без сил,
Что не встал меж ним и меж судьбою
Образ твой, его не защитил.

И другой пришелец издалека,
Из страны, чья участь тяжела,
Здесь светло молился, но от рока
Красота безумца не спасла.

Иль она не Правда и не Разум!
Почему ж так страшно часто тех,
Кто служил ей творческим экстазом,
Сторожат безумие и грех?

Так я думал – проходили люди...
Англичане, гиды без числа.
Позабывших о великом чуде,
Красота безумцев не спасла!

«О, желтенькая птичка канарейка...»

О, желтенькая птичка канарейка,
Комочек солнца желто-золотой,
Весной, в мещанской комнатке простой,
Ты песнь поешь о том, что почки клейки,

О том, что счастье – жизнь и мир хорош,
Чеканишь золото и нижешь зерна
На нитку золотую бус упорно
И с звонким звоном нитку оборвешь.

О, бедная засохшая герань,
Ты украшаешь пыльный подоконник,
Ты, может быть, любви и счастья дань, —
Возлюбленный принес тебя поклонник.

Цвети, расти для радости людей
И говори мещанке в бедной тальме
О призрачном безумьи орхидей,
Магнолиях и африканской пальме.

Прекрасен мир, но жизнь бедна, а песнь,
Песнь лишь мечта, рожденная любовью,
Страданием и стремлением, как болезнь
Родит мечту о счастье и здоровье.

И, может быть, искусство, как герань,
И песня, как та желтенькая птичка,
Несут немного счастья, грезе дань,
В жизнь, где унынье, скудость и привычка.

Вдохновение

Сладостью пряной полно,
Сердце задержанно бьется, —
Словно темно-густое вино
В грудь мне безудержно льется
Из прозрачных и нежных рук
Струею серебряно-звонкой...
Или слышу я скрипок звук,
Ясный-ясный и тонкий-тонкий?
Не сознаю ничего,
Только на сердце пряная сладость.
Неужели узреть божество
Предстоит мне испуг и радость!

«Золотую кудель еще ткут веретенца...»

Солнце – сердце.
Вячеслав Иванов

Золотые струны натяну на лиру,
Еще не порвалась нить от сердца к солнцу,
Золотые струны от сердца к миру.

Они расплавляются, когда на зените
Солнце в яростном зное вопиет: «Осанна».
Но в хрупкие утра так явственны нити
И звенят серебряно, как *largo* органа.

«О, дай мне, Боже, сил и времени...»

О, дай мне, Боже, сил и времени,
Быть может, духом я богат,
Быть может, горсть златого семени
В моей душе живет, как клад.

Взойдет – и сотворю прекрасное,
Увижу сон свой наяву,
И вот в сей жизни не напрасно я
Пройду, промучусь, проживу.

Блаженных снов испуг

I. Блаженных снов испуг

«Пришла ко мне, мой светлый друг...»

Пришла ко мне, мой светлый друг,
Пришла с тоской, пришла с любовью,
О сердца боль, о сердца стук,
О холод этих тонких рук
На сердце с темной, с острой кровью.
Нежданная, пришла ты вдруг
Так, как блаженных снов испуг —
Вдруг приникает к изголовью!

1911

«В моей душе живет великое...»

В моей душе живет великое,
В ней ожидания строгий свет.
В отчаяньи надежду кликая,
Я долго знал и боль и бред,
И вот в сияньи, огнеликая,
Приходит Радость – Боли нет.

«Тебе, душа, со мной сплетенная...»

Тебе, душа, со мной сплетенная,
Ко мне склоненная душа,
Я отдаю слова влюбленные
И с робкой дрожью и спеша,
Всей прелестью неполнозвонною,
Всей тихой прелестью дыша.

Ты озеро мое глубокое,
Ты тайнопевная моя,
Чужая, близкая, далекая,
Я наклонюсь, шурша осокою,
Прильну к чуть видному истоку я
Волн неумолчных бытия.

«О, это гордое одушевление!..»

О, это гордое одушевление!
В нем порывания горного ветра,
И жесты быстрые, и глаза горные,
И речь свободная, вся в сменах метра.

Молю, вплети меня в твои кружения,
Я жду – мне все равно, навек, на миг ли!
Ты мера мира мне, пока движения,
Пока смятения твои не стихли.

О счастье

Когда говорю я о том, что незримо, —
Качаете вы головами.
А мной только светлая сказка любима,
Душой я не с вами, не с вами!

И горе и радость судьба нам приносит,
Ей ваши моления и вздохи,
И страстно ждет каждый, что жизнь ему бросит
Из полных сокровищниц – крохи.

А сердце мое трепетало и билось
От счастья, что в жизни не сбылось,
И, может быть, было, но после забылось,
А может быть, только приснилось.

Нежней его речь и глаза его больше, —
Глаза его странно огромны,
И свет их струится и глубже и дольше,
И свет этот свой, незаемный.

Ресницы сияют дрожаще-несмело
Лучей золотистою пылью,
Легка его поступь, и белы, так белы,
Как снег на горах, его крылья.

Легка его поступь и тонкие руки
Так нежны, так нежны, так нежны!
Прильни к ним в великой и пламенной муке,
Прильни к ним с тоскою безбрежной,

Чтоб с лаской оно над тобой наклонилось,
Чтоб сердце ровнее забилося

От счастья, которое в жизни не сбылось,
Которое только приснилось!

1906

Сон

Я засыпал. Река катилась
И мой влекла челнок;
Был сон мой тих и странно сладок
И странно неглубок.
Я слышал весла за кормою,
Прозрачных пленок плеск,
Я видел небо, небо, небо —
Его хрустальный блеск.

И были грезы — тучки в небе
И небом был им — я,
И солнце нежно освещало
Узорные края,
Сливались зыбкие мечтанья
В прозрачно-легкий ряд,
И то темнел, то золотился
Пушистый их наряд.

Когда ж весло мое цеплялось
О заросль водных трав
И застревал челнок мой легкий,
В сеть цепкую попав, —
Я просыпался и в истоме
Лежал, закрыв глаза,
И слушал, как меж водных стеблей
Звенела стрекоза.

И открывал глаза и взором
Тонул в лазури я,
Пока меня не ослепляла
Блестящая струя,
И бодро я приподымался
И взмахами весла
Вновь направлял челнок свой в заводь,
Что глухо заросла.

И там, вблизи корней корявых,
Под зеленью густой,
Меж белых, белых водный лилий
С их влажной красотой,
Там, где деревья с нежной грустью

Гляделися в затон,
Я отдавался созерцанию
И вспоминал свой сон...

1905

Март

Хорошо сегодня,
Плещет дождь весенний,
Теплый дождь.
Хорошо сегодня,
Благодать Господня
Близ родных селений,
Среди голых рощ,
Между сосен тонких,
Меж сквозных берез
Пенье капель звонких
До слез.

Хорошо сегодня, —
Теплый март!
Хорошо сегодня, —
Томный март!

Я брожу сегодня
Наугад,
Я чему-то странно
Тихо рад.

Нежно улыбаюсь,
Про себя шепчу,
Дождиком весенним
Душу омочу,
Дождиком весенним
Сердце окроплю,
Радость люблю,
Счастья захочу...

В дороге

Разве не счастье ездить по пыльным дорогам,
Ездить по пыльным дорогам в неизвестную даль,
Чувствовать связь свою с радостным, ласковым Богом,
С Богом, забывшим, что в мире есть боль и печаль.
Разве не счастье!

Разве не радость рвать на полях маргаритки,
Рвать на полях маргаритки, сплести их в венок,
Бросить их встречной крестьянке или вот у калитки
Девушке в белом, мелькнувшей как светлый намек,
Разве не радость!

Разве не счастье быть беззаботным, как сеттер,
Черный мой сеттер, бегущий радостно рядом со мной,
Щурить от солнца глаза и чувствовать только, как ветер
Гладит мне щеки и волосы теплою женской рукой,
Разве не счастье!

1906

«...Я чувствую утром еще полусонный...»

...Я чувствую утром еще полусонный
В глазах влагу теплую слез:
Я плакал сегодня во сне, утомленный,
И нежный встаю я, еще упоенный
Воздушною радостью грез.

И ночи, как дни мои, светлы и ясны,
И тихи мои вечера,
И я засыпаю с надеждою страстной,
Что день будет завтра такой же прекрасный,
Быть может, светлей, чем вчера.

Я знаю, со мною великое сбылось.
Не зная еще почему, —
Недаром же сердце безудержно билось,
Недаром же сердце безумно молилось
И чувствовал свет я сквозь тьму.

Но жду я пришествия света иного,
Какого, не знаю я сам, —
Но слишком он ярок для зренья земного...
Я жду – вот мгновенье, и скажется слово,
И я подымусь к небесам!

1905

«Знойный день догорал, догорал...»

Знойный день догорал, догорал...
В небе веяли алые краски,
В небе реяли странные маски,
В иступленно-торжественной пляске

Кто-то душу мою обвивал,
Кто-то душу мою целовал
И манил к незнакомой развязке.

Он манил, он манил, он манил.
Я ходил сам не свой, исступленный,
В небе алые краски гасил
Кто-то в вспышке слабеющих сил,
Я по улице странно червленной
Шел безумный, безвольный, влюбленный,
И в душе, как сосуд золоченный,
Драгоценное бремя носил.
Был горяч под ногами асфальт,
Тучей реяли знойные мухи,
Песни пели вечерние духи,
И звучал их томительный алыт
В напряженно страдающем слухе.
Были губы мучительно сухи,
Словно выжженный солнцем базальт.

Драгоценное время любви,
Ток пурпурный безумья и смерти!..

«Друг мой...»

Друг мой,
Поверить ли странным словам
О Вечном Возвращении?

Так же ли будем снова сидеть мы
В лунном свете,
Так же ли будут сиять мне
Твои влажные глаза
И душа трепетать
От сладкой боли?

Или и эти мгновения,
Едва коснулись их наши губы,
Уже невозвратны,
И мы позабудем о них,
И наша слабая память
Изнеможет в неравной борьбе?

Люди верят в Бога
Всеблагого, Всемогущего...
Им нужна вера
В вечное добро

И в бессмертие души —
Я боюсь только забвения.

Я хочу верить в Бога,
Великую Память природы,
И что эта Вселенская Память

Сохранит на веки веков,
Когда не будет нас,
Когда ничто не напомним о нас
Живым людям,
И после, когда вся жизнь замрет на земле,
Сохранит воспоминание
О нас, ушедших,
И о нашей любви
И об этом ликующем часе,
Обо всем, о чем мы сами забудем
В вихре мятущейся жизни.

II. Радость

«В первый раз я взглянул на тебя...»

В первый раз я взглянул на тебя,
Я взглянул на тебя с изумленною радостью,
И глаза твои засияли
Навстречу засиявшим глазам моим.
«Так вот ты какая —
Такая милая,
Простая, чудесная,
Вот ты какая!»

«Скучно светит мне солнце...»

Скучно светит мне солнце,
Хмуро мое небо,
Серы дни.
О, как протянуты руки мои
С мольбой и надеждой,
Как жаждет душа
Светлого чуда.
И глаза мои
От жутко напряженного ожидания
Горят и светятся,
Как свечи, две свечи

Пред киотом владычицы
Божией Матери
Нечаянной Радости.

«Я хочу любоваться тобою без слов...»

Я хочу любоваться тобою без слов,
Я хочу любить тебя в молчании.
В душе у меня дрожат слезы и смех,
Когда я слышу каждое твое слово.
Я люблю все слова твои,
Я люблю их,
И когда от них еще чуть вздрагивает тонкая шейка,
И когда они только сияют в глазах твоих
Веселыми искрами
И дрожат на устах
Еще не сказанные,
А когда они срываются с милых уст твоих
И наполняют серебряным шумом белых порхающих бабочек
Всю комнату,
Я смеюсь и плачу в душе,
Не вникая в их смысл,
Не понимая их.
А ты —
Ты почти не слушаешь меня.
О, как я беден!
У меня нет речи в тяжелых, богатых одеждах образов,
В самоцветных камнях сравнений,
Нет алмазов шуток,
Нет кружев мечты,
Нет томных жемчугов нежности,
Ничего нет.
Но если бы даже я говорил как Ромео,
Разве ты полюбила бы меня!

«Я возьму твои руки...»

Я возьму твои руки
И загляну в глаза твои,
И скажу тебе:
Я люблю тебя,
Всю, всю тебя,
Твое тело и твою душу,
И нежный смех и тонкие руки,
И сияние глаз,
И не знаю, что я люблю больше,

Всю твою высокую светлую душу,
Бессмертно прекрасную,
Или это родимое пятнышко
На твоей руке!

«Я люблю тебя, слышишь...»

Я люблю тебя, слышишь
Эти простые слова.
Почему же ты побледнела
И не дышишь?
Или я причинил тебе боль,
Зачем ты прижала руки к сердцу?
Или словом можно ранить безжалостно,
Как острым ножом?

«Ночь...»

Ночь,
Свеча горит тревожно,
Мне душно,
Мне горько,
Я задохнусь, захлебнусь от боли и горечи.
Прочь, прочь, мой проклятый кошмар,
Скорей к окну,
Стекло дребезжит и ставни стучат,
Уже утро,
Солнце сияет,
Воздух холодный,
Как ключевая вода,
Хрустально звенящий
Ворвался в комнату.

.....

Почему горячие капли обожгли мое лицо,
Почему дрожат мои руки?

.....

Ты утро любви, ты солнце любви,
Здравствуй!

«Радость моя»...

«Радость моя» —
Это ты мне сказала.
И вот сегодня я
Целый день
Радостно думаю:
«Как хорошо, как просто и мило.
Есть же на свете такие чудесные слова —
Радость моя».

«Мы сидим вдвоем...»

Мы сидим вдвоем
В тихой беседке,
Солнце льет прощальный свет
Сквозь зелень деревьев,
И, как солнечные пятна,
Трепетны мои влюбленные слова
И полны предчувствия тихого вечера,
И багрянца, и золота
Вечернего неба:

«Я хочу сделать тебя счастливой,
Но что я могу дать тебе,
Я бедный нищий,
Что я могу дать тебе,
Кроме своей жизни?

Отдать бы ее,
Бросить тебе ее под ноги,
Легко и небрежно,
Чтоб легче было ступать тебе...
Отдать бы ее,
Ничего не требуя взамен,
Ни любви, ни благодарности,
Отдать только потому, что это так просто, легко и радостно.
Как жаль, что ты меня любишь, —
Я хотел бы отдать тебе жизнь
Царственно бескорыстно».

Так говорил я
В тихой беседке,
И солнечные пятна
Дрожали у тебя на лице, на зелени деревьев,
И в моих словах,

И в твоей улыбке.

«“Я твоя” – ты сказала мне...»

«Я твоя» – ты сказала мне.
Дай мне подумать:
Как смешно, и странно, и радостно,
Ты моя,
Душою и телом,
Это значит, мои – эти ясные глаза,
Я могу прижать уста к твоим устам
И поднести к губам эту руку.
Вот захочу – подыму ее,
Захочу – опущу.
Захочу и возьму твою тяжелую косу
И закину ее тебе на плечи,
Как задорный мальчишка,
Или заверну ее в корону,
Царица моя!
Как это странно, смешно
И радостно.

«Когда ты уходишь...»

Когда ты уходишь,
Мне тесно здесь с моим счастьем,
И я стремглав сбегаю вниз по лестнице
Через четыре ступеньки,
И едва не сбиваю с ног
Старушку-даму,
И извиняюсь,
Вежливо приподняв шляпу.
К чему извиняюсь?
Слишком долго ходил я чинно вверх и вниз,
Сегодня я хочу бежать стремительно —
Через четыре ступеньки!

«Когда ты уходишь...»

Когда ты уходишь,
Поцелуи твои звенят в воздухе,
И порхают в комнате,
Как невидимые маленькие бабочки,
И садятся мне на руки,

На лицо, на уста,
И, закрывши глаза, вот я чувствую
Нежный трепет мягких их крылышек
На руках, на лице,
На устах.

«Отдохни, моя милая...»

Отдохни, моя милая,
Я буду рядом с тобой,
Я буду смотреть на тебя
При бледном свете лампы,
Бережно подверну под тебя
Вязаный платок,
Окутаю тебя тихой лаской,
Как мягкими его складками.

«Дождь, дождь...»

Дождь, дождь
Льется с небес
Крупными каплями,
Льется и бьется о землю
С радостным звоном.
Мы быстро идем рука об руку
По сырой земле,
Как плещет вода у нас под ногами
В чистых лужах.
Как хорошо чувствовать теплую влагу
На лице, на руках,
И вдыхать томный запах тополей,
И видеть омытую землю.
Как хочется прильнуть к ней,
Лечь щекой на размытую глину.
А у тебя-то, у тебя-то!
Мокрая рука в моей руке,
Мокрое милое лицо, мокрые волосы,
Мокрое платье.
Капли дождя бьются о землю с силой и радостью,
Или сила и радость у меня в сердце?
Дождь, дождь!

«Я ехал к тебе на пароходе...»

Я ехал к тебе на пароходе,
И радуга, цветная радуга,
Обняла все небо
От края до края,
И, как в радужные ворота,
Я ехал к тебе по реке
И славил Бога,
И тебя, и любовь нашу.
Как же мне не верить в Него,
Не славить Его,
Когда такую праздничную арку
Строит он для нас с тобой, для нас с тобой, для нас с тобой!

Ведь эта радуга для нас с тобой,
А те незаметно серые,
Промокшие под дождем пассажиры
(Как, впрочем, промокли и мы с тобой),
И хмурый капитан,
И черный истопник,
Они только так,
Только кажется, что они существуют,
Они живут только для того,
Чтобы войти в нашу радость,
И когда мы будем вспоминать эти минуты,
Мы вспомним их, серых и темных,
Радужными, просветленными,
Они, как радуга и брызги колес,
Для нас с тобой, для нас с тобой, для нас с тобой!

III. Боль

Расставанье

В час расставанья ты была спокойна,
Все было тихо и печально стройно,
Как те зелено-сумрачные ели,
Которые над нами шелестели.

В час расставанья тишина лесная
Была кругом, и темная, сквозная,
Густая зелень, как покров тяжелый,
Свет пропускала солнца – невеселый.

В час расставанья шли в листве мы желтой.
О, призрак осени, уже пришел ты,
И лес листвою мертвой, прошлогодней

Твердил нам неизбежное: «сегодня!»

В час расставанья ключ журчал средь моха,
И шелест елей был как трепет вздоха,
Просветы неба были так воздушны,
И мы казались оба равнодушны.

1911

«Безнадежность глядела мне в очи...»

Безнадежность глядела мне в очи
Напряженно пустыми глазами,
Истекала в бессонные ночи
Водяными и злыми словами.
Безнадежность смеялась и пела,
И плясала, плясала, плясала!
Долго, долго душа терпела
И, как чадный очаг, угасала...

I. «Особым знаком отмечает кровь...»

Особым знаком отмечает кровь
И из людских рядов выводит властно.
Как кровь, судьбы печать кладет любовь —
Она сильна, как смерть, когда несчастна.

Причудлива судьбы и жизни вязь,
Всех красок смесь в ней не разложит призма,
Но мстителей с любовниками связь
Понятна мне из общего трагизма.

Пусть безнадежный в стан борцов придет,
Но приведет его не безнадежность,
А раненой души больной полет,
Кровавый знак, мрачащий белоснежность.

II. «Так легко, легко и просто...»

Так легко, легко и просто
Отдаем мы жизнь свою,
Ляжем, ляжем вне погоста
В нелюбимом, злом краю.

И в последние мгновенья

Будем помнить мы о ней.
Сердце, сердце, пламеней!
До великого забвенья
Близ неведомых огней,
Будем помнить все о ней.

И когда нас за собою
Позовет благая смерть,
Там, за твердью голубою,
Прозреваемая твердь, —

Будет в нас не ужас Ночи,
Но сильней, чем смерть, тоска,
Что закроет наши очи
Не заветная рука.

1911

«В мире прочного нет ничего...»

В мире прочного нет ничего,
Все уносится мимо, мимо.
Но любовь быстрее всего
Исчезает, как легкие дымы.

Прижимай, прижимай сильней
Ближе к сердцу милую руку,
Скоро ты не приникнешь к ней,
Будь готов каждый миг на разлуку.

Обнимай, обнимай тонкий стан,
Он, как призрак, в душе витает,
Он, как сладкий, краткий обман,
Промерцает, пробрезжит, растает.

В миг отчаянья жадно лови
Легковейные складки одежды.
Больно ранят жала любви,
Безнадежны ее надежды!

«Тяжело идти, тяжело идти...»

Тяжело идти, тяжело идти,
По земным путям тяжело брести,
Вот еще уклон, еще поворот,
Вот еще подъем, и тот, и тот.

Пыль и острые камни знойных дорог,
Тяжесть ног, утомленных, свинцовых ног,
Раскаленное олово с небесных полей
На усталые головы, Солнце, не лей!

Если бодрый товарищ с тобою идет,
Если милая женщина рядом поет, —
Легче ношу нести, идти веселей
По просторам скудных земных полей.

Если ж бросит женщина посредине пути, —
Сил не станет идти, идти, идти,
И в душе одно желанье – прилечь,
Сбросить, сбросить котомку с усталых плеч.

«Испил ты эту чашу до конца...»

Испил ты эту чашу до конца.
Ты нежную узрел неожиданно грубой,
Увидел сжатые презреньем губы
И замкнутость холодную лица.

Со страстью ей молился ты сугубой,
Ты думал – мягки женские сердца,
Но ты не знал, что те, кто им не любы,
Для них не боле значат мертвеца.

Но ты не знал, что если глубоко
Ты, грешник, пал, явил вдруг слабость, малость,
Когда Любви иль Смерти ждет Усталость, —

Вдруг женщина разлюбит, и легко
Все прошлое отбросит далеко,
Забыв святое чувство женщин – жалость.

«С средней долей не могу я примириться...»

С средней долей не могу я примириться,
А добыть другую где же силы!
Только остается, что молиться,
Только остается ждать могилы,
Только остается верить в чудо,
Только остается верить в Бога, —
Вот открою в сердце золотые руды,
Вот начнется восходящая дорога.

«Скоро, скоро, скоро...»

Скоро, скоро, скоро
Время пролетит,
Вот уж сосны бора
Осень золотит,
Скоро их покроют
Белые снега,
Их весной омоет
Вольная река.

До весны лишь этой
Ты не доживешь,
Не увидишь лета,
Зреющую рожь,
До весны, быть может,
Сможешь добрести.
Пусть мне Бог поможет
Боль перенести.

«Ты сегодня сладостно прекрасна...»

Ты сегодня сладостно прекрасна,
Я тебя такою не видал.
Образ твой дрожит неясно,
Как сквозь призрачный кристалл.

Сердце полно грустною тревогой,
Знаю я, что скоро ты уйдешь
Потаенною дорогой
И меня с собой не уведешь.

Я останусь плакать над могилой,
На могилу приносить цветы,
Забывать твой образ милый,
Вспоминать лишь тень мечты.

«Я покоряюсь: горький случай прав...»

Я покоряюсь: горький случай прав.
Но странно душу мучит и тревожит,
Что вот умру я, даже не узнав
О светлом Имени Твоем, быть может.

Как долго и легко я жил на свете,
Боюсь, что вдруг от жизни я проснусь,
Как ночью в беспричинном страхе дети,
И с горестным прозреньем оглянусь

На прошлое: о, сон минут без счета,
Без смысла сон! Как жить, чему служить?
Тускнеет ржавой жизни позолота.
О, как мне больно жить, как странно жить!..

«О, бедный друг мой милый...»

О, бедный друг мой милый,
Не плачь, не плачь!
Кругом нас вид унылый
Пустынных дач.

День, точно майский, выпал,
Покой глубок!
Сентябрь листвой усыпал
В саду песок.

Я знаю – ты готова,
Так пусть же, пусть,
Пусть будет светлой снова,
Звнящей грусть!

Ни слов, ни слез, ни вздоха,
Гляди, – певуч
Из камня среди моха
Струится ключ.

И чтоб хватило силы,
Мне руку дай.
О, друг мой, друг мой милый,
Прощай, прощай!

«Всем уставшим легче было прежде...»

Всем уставшим легче было прежде;
Чтоб приют до радостной зари
Дать вконец измученной надежде,
Тихие цвели монастыри.

Желтый и зеленый бархат леса,
Яркие на бархате цветы

Свежей и таинственной завесой
Окружали тихие кресты.

Реяло торжественное аве,
Как поток хрустальный жизнь текла,
Радостные звуки Божьей славы
Далеко несли колокола.

Женщины, пресыщенные мукой,
— Горек жизни вкус им, мир их пуст —
Никогда не слышавшие звука
Слов, несущих нежность с милых уст.

И другие, те, чьи свет и пламя,
И любовь, и счастье позади,
У которых скорбными крестами
Сложенные руки на груди,

Все, кто клял отчаянья безбрежность
С болью перекошенным лицом
И кого тупая безнадежность
Окружила сомкнутым кольцом, —

Приходили, жили, догорали,
И синел их взор, ясел их дух,
Словно звуки робко замирали,
Чье дрожанье еле ловит слух...

...А теперь уж в мире нет жилища,
Где была бы скорбь ясна, тиха;
Как под сенью сельского кладбища,
Без заботы шумной, без греха.

Abbaye de Saint Wandrille

Вечер

Я люблю успокоенность тихого вечера,
Над рекою опаловость ласковых сумерек.
Вспоминать тебе некого, и любить тебе нечего,
Умири, Боже, душу твоего раба (и/мярек)!

Неба зелень, сиреневость между облак разорванных...
О, душа, не скорби, полюби успокоенность.
Облак нежных края потускнели узорные, —
Верь, не будет мучительно, ждет успенье благое нас.

Оно нежное, тихое, как сумерки смутное.

О, излиться, пролиться в мерцающей лирности,
Чтобы муки все замерли, чтобы чувства все умерли
В этой ясной всемирности, в этой тихой вечерности.

Март. На Сене

Разные

I. Море

«Холодный ветер в лицо нам веет...»

Холодный ветер в лицо нам веет
Соленой влагой – идем, идем!
Над нами чайка в лазури реет
И рассекает ее крылом.

Под ветром платье как парус бьется,
Все против ветра – с тобой вдвоем,
Куда – не знаю, нам даль смеется,
Все дальше, дальше идем, идем!

Кубок вод

Море – полная до края чаша,
Вод упругость вольную тая,
Напряженно, полнозвонно плещет,
Пенится, как радость, радость наша.
Вот заблещет, яро затрепещет
И переплеснет через края.

То заздравный, полный поднял кубок,
Опустив на золотое дно
Звонкое кольцо всех зовов бездны,
Пьет за Мир и Мира красоту Бог,
В ночи звездной бьет о край железный
Терпкое и горькое вино.

1911

Утро

Звон и плеск серебряный прибоя,
Над землею знойно веют сны.
Море плещет, серо-голубое,
Средь великой мира тишины.

Я не сплю и грежу о пространстве
Зыбких и упруго-нежных вод,

О путях далеких вольных странствий,
О тебе, еще немой восход.

В этот час, когда природа дремлет,
Мир от зноя летней ночи пьян,
Хорошо мне думать, что объемлет
Землю свежим хладом океан.

И что он не только этот берег
И не только этот материк —
Африку, резной узор Америк
Также омывает в этот миг.

Омывает, вольно овевает
Хладным ветром, веющим, как сны,
Радостные песни запекает
С ритмом, бьющим в сердце тишины.

Волны

О, волны, нет ответа вам.
Твердите вы о чем,
Когда вы с фиолетовым
Целуетесь лучом,
И с страстью вечно новою
Закат в ваш плеск влюблен,
Когда во все лиловое
Рядится небосклон?

О чем вы вопрошаете,
О чем шумите вы,
Когда вы одеваете
Все ткани синевы,
Когда порой полднвною,
Открыв лазурный взор,
Сливаете напевные
Вопросы в стройный хор?

О чем поете нежно вы
В красе стыдливой утр,
Когда томны безбрежно вы,
Как бледный перламутр,
И солнца взоры чистые
Пронзают вас до дна,
Вы, светлые, лучистые,
Как дети после сна?

Кричите вы и шепчете
О чем во тьме ночей,
— Чем днем, удары крепче те
И отзвуки звончей, —
Когда горит чуть блещущий
В ночи ваш черный взор,
И, как вопрос трепещущий,
Сверкает в нем фосфор?

И после смерти вечера,
Когда издалека,
Как гор снега и глетчеры,
Белеют облака,
О чем, одевшись в бурую,
Мерцающую сталь,
Поете песнь вы хмурую,
Чего вам, волны, жаль?..

1905

«Море ночное бьется волною...»

Море ночное бьется волною
В берег скалистый,
Волны прибоя криком покрою,
Криком восторга!

Слабые звуки в мощные руки
Ветер подхватит.
Он их поймает и разбросает
Вдаль по простору.

Смел я и молод, жизненный молот
Душу не сломит,
Полон я жаждой радостью каждой
Сердце насытить!

«Даль моря синее безгранная...»

Даль моря синее безгранная,
Белеет челнок вдалеке,
Прекрасная, милая, странная,
Как дивно на влажном песке.

Как ветер с любовью и силою
Играет кудрями волос,
Прекрасная, странная, милая,

Любуюсь тобою до слез.

Когда ты печально безгласная
Близ шумного моря стоишь,
О, милая, странно прекрасная, —
В душе моей странная тишь.

Эллада

Сверкая жемчужною пеной, на берег прозрачные волны
Взбегают одна за другою, и рокот их так говорлив.
Все дальше вперед продвигает большие рыбацкие челны
На гребне любовно и ровно размеренно-шумный прилив.

Уж солнце, склоняясь на отдых, в парчу и багрянец богато
Убрало постель свою – море, покрывало свое – небеса.
На розовый мрамор походят в алеющих красках заката
У чаек звенящие крылья, у лодок больших – паруса.

В прибрежные мелкие воды опущены мокрые сети,
Сребристой чешуйчатой рыбы обильный, богатый улов,
У берега тесно толпятся довольные жены и дети,
И гул долетает до лодок и криков, и радостных слов.

И кажется мне, что вот так же все было когда-то, когда-то,
В далекой прекрасной Элладе, в изломах ее берегов,
И так же, как розовый мрамор, алели в сиянье заката
И чайки, и парусы лодок, и пена, и мрамор богов.

И так же сверкала, как грани самоцветных камней диадемы,
Гряда облаков озаренных с краями опалов светлей,
И мерно спускались весла, и быстро бежали триремы
С богатой добычею, снятой с персидских больших кораблей.

И падали крепкие мачты, и звучно причалы скрипели,
И якорь клыками впивался в прозрачную влажность песка,
И люди толпились в волненьи, и в воздухе ласково пели
Божественно-мерные звуки, Гомер, твоего языка.

II. Разные

«Благословлял я желчь, полынь и омег...»

Благословлял я желчь, полынь и омег,
Всю горечь дней моих,

Когда я в тяжкой, в горестной истоме
Ковал свой горький стих.

Но ныне призываю радость, радость
— Сок клеверных стеблей —
Чтоб еле ощутимую их сладость
Делить с сестрой моей.

Тебе

Кто-нибудь из нас услышит
Смерти слово;
Кто-нибудь из нас утишит
Страх другого.

О, великое сознание
Связи нашей:
Вместе примем испытание
Смертной чаши!

1911

«Ты светлый дух, чьи крылья белые...»

Ты светлый дух, чьи крылья белые
Меня едва коснулись вдруг
И, воспарив, исчезли, смелые,
Кристалльным звоном полня слух.
Ты, светлый и прозрачный дух.

Ты, дух, чьих крыльев дуновение
Порой касалось вновь меня,
В благие, редкие мгновения,
Как властный голос вдохновения
Среди немолчных криков дня.

И вот теперь судьбы излучины
Нас вновь свели. И это — ты!
И я, к неожиданному приученный,
Увидел женщины измученной
Обыкновенные черты.

Но вот, когда уж безнадежнее,
Чем смерть, о прошлом боль была,
В глазах твоих узнал я прежние
— Как стала боль моя светла —
Два белых, два больших крыла.

1911

«Вечерами весенними долго она...»

Вечерами весенними долго она
У раскрытого настежь сидела окна,
За холодные прутья решетки с тоской
Крепко, крепко держалась горячей рукой,
И на черном железе так четко видна
Пальцев нежных и тонких была белизна.

Из окна она видела пыльный забор,
Утомляющий серой бесцветностью взор,
А за ним чуть заросший бурьяном пустырь
И багряного неба безбрежную ширь,
И ее напряженно темнеющий взгляд
Напоил своим золотом рдяный закат.

А когда побледневший закат догорал,
Ей казалось, что кто-то и в ней умирал.

Старая дева

Без цели неужели же, ни для кого не нужная
Пройдет-уйдет жизнь хмурая, понурая моя?
Вся словно суетливая, крикливая, наружная, —
Хочу изведать светлые все глубины бытия.

Хочу, чтобы в душе, в глазах, навстречу мне сияющих,
Как бы в стекле поставленных насупротив зеркал,
Все то же отражение бессчетно повторяющих,
Мой дух обогащенное, светлее засверкало.

Мы мчимся словно в поезде, миг каждый измененные
Ландшафты, люди встречные мелькают за стеклом.
Хочу, чтоб вместе кто-нибудь смотрел в окно вагонное,
Со мною изменялся бы и плакал о былом.

Роденбах

Чуть мерцают стенки хрупкой вазы,
Если слабый свет зажжен внутри.
Как сиянье первое зари,
Он неверен и дрожащ. Для глаза

Странно жуток этот тихий свет.
Так дрожит сияние экстаза
На лице у тех, кто знает бред
Творчества, чьей нежной кожи цвет
Одухотворенья носит след.
Так стихи – граненые алмазы —
Освещает изнутри поэт,
Выше этой страсти счастья нет.
Те стихи – как сладкая зараза,
Льется их певучая струя,
Льется тихо, медленно, не сразу,
Льется, все оттенки затая,
Хризолита, жемчуга, топаза,
Приобщая властно всех к экстазу,
К высшему блаженству бытия.

«Огненный ангел» Валерия Брюсова

Как полноводный Рейн течет рассказ,
Но не как Рейн немецкий меж зеленых
Холмов, где виноград растет на склонах,
Где дух средневековья не угас.

Но даже память о былых баронах —
Разбойниках только пленяет глаз
В замшелых замках, где и речь влюбленных
Наверно тише льется в страстный час.

Не как швейцарский – горных вод бурун,
Но как голландский – мрачный у низовья,
От тучных пастбищ до бесплодных дюн.

Рассказ твой мужественно сдержан. Кровью
Окрашен он. Над ним, как злой колдун,
Застыл багровый диск средневековья.

«Вдали закат мерцает...»

Вдали закат мерцает,
В алость окрасив даль,
Сердце миг созерцает
Всемирную печаль.
Как сердцу света жаль!

По теплой мягкой пыли
Еду сквозь лес домой:

Грежу о днях, что были
Так светлы – Боже мой! —
И смыты теплой тьмой.

Грущу о двух могилах
В дальнем, в родном краю,
Грежу о людях милых,
О тех, кого люблю,
Помедлить тьму молю.

1911

В безвременье

В нас сердце напитано гневом и желчью, —
Какая горька нам полынь!
Скулим мы по-лисьи и воем по-волчьи
Средь зимних бесснежных пустынь.

Бесснежных: ведь снег одевает порошей,
Как мантией, голую жердь,
И кажется ласковой, нежной, хорошей
Под снегом и самая смерть.

В бесснежные, тусклые, мертвые зимы
Мы твердый, как лед, чернозем,
Звериною, темной тоскою томимы,
Со смутною скорбью грызем.

Мы рады, что клочья облезлые шерсти
От смерти спасли, унесли.
О, Боже, никто же не бросит ни персти
На труп наш могильной земли!

Живем мы бездольно, умрем мы бесплодно, —
Какая горька нам полынь!
И все же нам страшен лик смерти холодной
Средь зимних бесснежных пустынь.

1911

«Он ушел на утренней заре...»

Он ушел на утренней заре,
В час, когда сияли на горе
Первым блеском солнечные пятна.
Целый день он где-то пробродил,
Целый день домой не приходил,

К вечеру вернулся он обратно.

Он пришел, когда бледнел закат,
Был в пыли, в крови его наряд,
Сам он истомлен был и безгласен,
Словно в тяжких битвах изнемог,
Но безгласный был, как юный Бог,
Радостно и солнечно прекрасен.

И в волнах сгущающейся тьмы
Молчаливо вопрошали мы,
Где он был, зачем пришел обратно,
С кем боролся, бился за кого,
И была нам светлая его
Радость – так чужда и непонятна.

«Верю в светлого ангела...»

Верю в светлого ангела,
– Боже силы моей, —
Верю в грозного ангела
В голубых небесах.

Прилетит он на помощь нам,
– Боже воли моей, —
Так я верю, я, сломленный,
Я, поверженный в прах.

С безнадежной надеждою,
– Боже веры моей, —
Ожидаю парения
Ослепительных крыл.

Утешенья, свершения,
– Боже страсти моей, —
И не мщенья, – прощенья,
Боже сил, Боже сил!

1911

«Меня ты спрашиваешь, отчего...»

Меня ты спрашиваешь, отчего
Так медленно теперь проходит время,
Тягучее, как скучный долгий гость,
Однообразное, как день больничный.
Иль вправду жизнь не движется, и люди

Так стали плоски, как листок бумаги?

О, милый друг, поверь мне, жизнь идет
Вперед, идет не медленней, быть может,
Чем вечно шла. Ведь мира механизм
Похож на старые куранты с хрипом
И гирями, медлящими движенье:
Едва заметен ход минут-годов,
И только внятен бой часов-столетий!

Но чудо привелось нам увидеть:
Вдруг завертелись с быстротой безумной
Колеса и колесики, пружины
Все напряглись, едва сердец биенье
За страстным темпом жизни попевало.
Но слишком хрупок дивный механизм,
Застопоренный грубою рукою,
Он вновь пошел мучительно-невнятно.
И вот одни опять свои часы
Проверили, замедля их движенье,
Но те, кто их еще не переставил,
Обречены! О, бедный друг мой, долго
Не могут жизни ярче быть, чем Жизнь!

Танцы

1. Венгерка

Синий твой взор робко блестит,
Светлое платье нежно шелестит,
Ну же, вперед, вперед, вперед,
Не все равно ли, что в будущем нас ждет!

Серая жизнь у нас позади,
Серая жизнь у нас впереди,
Ужас морщин и ранних сединок,
Ужас и горечь, всему конец один.

Ну же, вперед, вперед, вперед,
Радостный взор нас манит и зовет.
Губами к губам страстно прильнуть,
Горечь и боль не прогнать, так обмануть.

Крепко сжимаю твой гибкий стан,
Жизнь так горька и так сладостен обман,
Чувствую я сквозь корсаж теплоту,
В сердце лелею мечту и красоту.

2. Вальс

Ах, счастья, я счастья хочу
Без конца, без границ, без краев,
И вот я на миг улечу
В озаренные области снов.

Потому что в жизни моей
Все так бедно и так темно,
Золотых так мало огней,
И явственно близкое дно.

А я бы хотел умереть
В блаженном сиянии слез,
А я бы хотел сгореть
В томно медленном пламени грез.

И когда средь вальса слова
Ты мне шепчешь, как легкие сны,
Так кружится в чаду голова,
Как от сладкого бреда весны!

3. Полька

Я люблю вас с болью слез.
Вы скользите по паркету,
Быстрый танец вас унес
К счастью, к солнцу, к жизни, к свету.

Быстрый танец закружил
В вихре грез немые пары,
Я в тиши подсторожил
Блеск очей, сердец удары.

Электрических огней
Льется свет на вас тревожно.
Прочь заботы серых дней,
Будет правдой все, что ложно!

Вы во сне – я наяву:
Вижу, вижу в вихре танца
Под глазами синеву,
Лихорадочность румянца.

Пусть же будет весел такт,

Оживленны кавалеры,
Этот вечер лишь антракт
В пьесе скучной, в жизни серой.

4. Па д'эспань

Они парами тихо под музыку шли,
Некрасивы были их лица,
Эти бледные, бедные дети земли,
Дети столицы.

В долгие дни
Работы и хмурой заботы
Мечтали они.
Над свинцом серой жизни сверкала мечты позолота.
День их мечты,
Вот ты!

Бедные, бедные люди,
Я страстно молюсь,
Я горько молюсь о радостном чуде!
И горько сжимает мне горло, как грубая чья-то рука,
Тоска.

А вас вперед увлекает
Танец,
И на бледных щеках так ярко сверкает
Румянец.

Шаг вперед, шаг назад,
Робкий смех, нежный взгляд,
Между рук гибкий стан,
И волнуется кровь,
И сияет любовь, —
О, жалкий роман,
О, горький обман!

Шаг назад, шаг вперед,
Скривился рот
От нежной, смущенной и милой улыбки,
Как странны ошибки,
Как скоро конец настает.

Бедные, бедные люди,
Я тайно молюсь,
Я странно молюсь,
Я горько молюсь о творческом чуде!

О, неужели оно не придет?
Как люблю я вас всех,
Рядом смеются счастливые люди,
Как им не стыдно, как им не грех
Смеяться над этими девушками с робкими глазами,
У меня в душе их грубый смех
Звенит словами.

О, как все вы похожи,
Серые девушки – все, как одна.
Боже, за что, за что же
Бросил ты их в эту пропасть без дна!
Какой ужас быть только похожей,
Ужас без дна!

1905

«Вечерние улицы жутки...»

Вечерние улицы жутки,
Как воды ночной реки,
И ходят по ним проститутки,
Как образы вечной тоски.

Вот взором голодной собаки
Глядят мне в глаза сквозь муть,
И грубая ругань и драки
Нарушают хмурую жуть.

Окутанный тьмою ночью,
Я словно в русле реки —
Как дно черно подо мною,
Как воды ее глубоки!

И в сердце острая жалость —
Накормить какую-нибудь.
И в сердце, как смерть, усталость —
На горячей груди уснуть.

О, как черные воды жутки,
Упаду, потону, захлебнусь!
В утро мутное у проститутки
В полинялом гробу проснусь.

1911

В Швейцари

Ты мне сказала: «Видишь, вот
Поток. Весь мир – мистерия.
Иль ниспадение этих вод
Не чудо для неверия?

Какая творческая длань
Их с высоты низринула
И дымно-призрачную ткань
На горный кряж наинула?

Иль кто-то вечный распустил
Серебряные волосы,
И солнца луч позолотил
Их трепетные полосы?»

Я не ответил. С вышины
Летел поток серебряный,
Звоня дрожанием струны
На арфе поколебленной.

Флоренция

Флоренция – ты светлая мелодия
Во сне. Картин безмолвие в Уффициях.
Плеск мерный Арно. В ласковой природе я
Подслушал тайну, буду ей молиться я.

Сестра моя, святая и любимая,
Наставница, так ясно, тайно мудрая,
Как ясные и всё ж неизъяснимые,
Как дымно-голубые горы твои, Умбрия.

1911

III. Переводы

Музыка

Шелли

По божественной музыке я томлюсь в страстной муке,
Мое сердце в той жажде – цветок умирающий.
Лей же, лей вино дивное – музыки звуки,
В серебристом дрожании светло затихающей.
Как долина безводная высыхает бесплодная,
Задыхаюсь без музыки я с тоской безысходною.

О, дыхание музыки таинственно сладко,
Больше, больше той влаги, внезапно пролившейся!
От нее разжимаются кольца и складки
Злой заботы, змеи, вокруг сердца обвившейся,
Словно ток облегчения через вену каждую
Льется в сердце мое, истомленное жаждою.

Я без музыки словно лесная фиалка
У глубокого озера, когда чашечку рос ее
Выпил полдень дремотный, и лежит она жалко,
И туман не поит ее, и запах унес ее
Вольный ветер на крыльях над гладью зеркальной.
Но когда я гармонией упоен музыкальною,

Словно вновь вино в чаше зачарованной пью я,
И кипит, и сверкает та чаша торжественно,
Словно фея мне счастье дарит поцелуя.
Я томлюсь по музыке – она божественна.

Гребец (Le passeur d'eau)

Верхарн

Он греб сквозь враждебные волны и тьму,
Тростинку зеленую крепко зубами сжимая.

Но та, увы, что взывала к нему,
Там, в темной дали за волнами,
Скрывалась, всё вглубь уходя, пропадая.

И с берега башни с часами
И очи окон
Смотрели, как бился и мучился он,
Свой торс от усилия вдвое сгибая,
Как мускул был каждый его напряжен.

И вдруг сломалось весло,
Течение его унесло
Тяжелыми волнами к морю.

А ту, что его окликала и звала,
Туманная мгла покрывала,
Она простирала к нему, отдаленному, руки,
В безумной ломая их муке.

Гребец остающимся цельным веслом
Стал волны сильнее рассекать напролом,
И всё его тело трещало,

И сердце в горячечной, трепетной дрожи дрожало.

Ударом поток
Сломал вдруг руль и повлек
Его, как жалкое лохмотье, в море.

И окна жилищ над рекой,
Глядящие с жуткой тоской,

И башни с часами, как темные вдовы,
Над нею стоящие, прямы, суровы,
Смотрели в упор на него,
Безумца, который упорно – зачем, для чего! –
Свой путь продолжал безумный.

А та, что его звала, окликала,
Вопила, вопила и всё не смолкала,
И, вытянув шею, с усилием в безвестный простор порывалась,
И в ужасе вся надрывалась.

Гребец же, как будто литой из металла,
Средь бури, что вокруг клокотала,
Стоял и своим уцелевшим веслом
Всё греб напролом.

И старческим взорам его воспаленным
Казался далекий простор освещенным,
Оттуда всё голос к нему доносился
И жалобно в душу просился.

Сломалось второе весло,
Теченьем его унесло,
Как жалкую соломинку, в море.

И он, истомленный, упал на скамью,
Почувствовав горько разбитость свою.
Теченьем его подхватило,
Назад оглянувшись, – напрасно растрачены силы,
От берега он не отчалил ладью.

И окна, и башни с часами
Глядели большими пустыми глазами
На гибель усилий, поверженных в прах.
Но дух был упорен его,
И он сохранил, – знает Бог, некогда, для чего, –
Тростинку зеленую, сжатую крепко в зубах.

Чайльд-Гарольд (На смерть Байрона)

Гейне

На просторной барке черной,
В даль плывущей – труп лежит,
Погребальный, страж печальный
Праха поэта сторожит.

Спит он мертвый, распростертый,
На глазах покрова нет.
Иль он ими, голубыми,
Смотрит в небо, видит свет?

Это волны, стонов полны,
Бьются о борт без конца?
Иль русалке бледной жалко
Опочившего певца?
1911

IV. Picicato

Анемоны

Ярки ситцы анемонов,
Жарок красочный их звон,
Словно он
В перекличке повторен
Ловких, смелых и умелых,
Во сноровках почернелых
И кующих
Сильных рук.
Каждый звук
Певуче груб,
Как из девичьих, поющих,
Алых, шалых, не усталых
И цветущих,
Не завялых,
Алых губ.
Словно девки в сарафанах,
В ярких бусах,
Краской пьяных,
Между русых,
Между льняных,
Милых кос!..

«Твои глаза так пепельно-серы...»

Твои глаза так пепельно-серы,
В них еще много наивной веры,
Но щеки, как кожа спелых гранат,
От страсти пылают и рдяно горят.

Ты словно уголь под слоем пепла,
Сила души твоей еще не окрепла,
Ты уголек золотой, золотой
Под серебряной, матово-серой фатой.

Я смешанных красок люблю сочетание,
Багряных отсветов в серебре трепетанье,
Они вспыхнут, погаснут и вспыхнут вновь,
Как твоя багряная, густая кровь.

«Милый ангел, ты слишком добра...»

Милый ангел, ты слишком добра,
Добрый ангел, ты слишком щедра!
Всем звенит твой серебряный смех,
Золотые улыбки – для всех.

Впрочем, я не жалею для них
Ни улыбок, ни взоров твоих:
Для себя сохраняю я один,
Я, сокровищ твоих господин,

Только кружево легкое грез,
Да жемчужины теплые слез,
Только горсть поцелуев твоих —
Раскаленное золото их!

Picicato при луне

Хорошо им сидеть на скамейке,
Хорошо быть шестнадцати лет, —
Пусть луна из серебряной лейки
Льет, как влагу густую, свой свет.

Хорошо быть счастливо влюбленной,
Знать, что рядом герой и поэт, —
Пусть луна всё рядит в осребренный,

Лунно-матовый призрачный свет.

Хорошо быть прозрачно струистой
И вдыхать смутный сон, тихий бред,
И в глазах отражать так лучисто
Нежно чистый таинственный свет.

Хорошо быть у ног гимназистки, —
Мира нет, горя нет, завтра нет!
Звезды лунные бледны, но близки,
Мир весь в лунные ткани одет.

Бьют сердца так любовно, неровно,
Перебоем друг другу в ответ,
И луна лишь одна хладнокровно
Молча слушает нежный дуэт.

«Я люблю вас, люблю вас навеки,
Не нарушу свой гордый обет».
Тихо катятся лунные реки,
Лунный, струнный звенит менуэт.

«Ах, как жалко, что завтра экзамен,
Надо спать, а уж скоро рассвет».
На востоке зардевшийся пламень
Гасит таинственный свет.

«А какой?» — «Да латынь и словесность». —
Груб и прост прозаичный ответ,
А луна выпивает телесность,
Миг — и вот — тела нет, тела нет!

Вот исчезнет, прольется, растает
В свежесть рос, в дымный пар, в бледный свет.
Сыро стало, и он предлагает
Ей закутаться в английский плед.

Première communion

Белые юбочки,
Как тучки на ранней заре.
«Милые, голубочки, —
Говорит прихожанке кюре.

— Пленительна дочка ваша.
О, сладкий Иисус!
Она всех девочек краше,

Ваше платье – прелестный вкус».

Небо сине без меры,
Небо сине до слез,
Нимб детской, чистой веры
Вкруг мягких прядей волос.

Сияет лучезарно
Нежность детских личек,
Девочки идут попарно,
Как стая дрессированных птичек.

Смеются, тряся косичками,
Умиленно, ласково, нежно,
Чувствуют себя сестричками
И любят друг друга безбрежно.

Жжет ножки раскаленный камень,
Туфельки легки и тонки,
Веры пламень
Жжет сердце девочки-ребенка.

Бабочки шумным роем
Вылетели рано
И летят попарно и правильным строем,
Как это странно!

Прорван тяжелый кокон,
Бабочки вылетели для жизни короткой,
У девочек каждый нерв и каждый локон
Дрожит, и в руках дрожат четки.

Дрожат от счастья без меры,
Или вы, проходящие люди,
Не знаете о чуде веры,
О свершившемся светлом чуде.

Или вы не знаете, что ныне
Выросли детские души?
Молитесь же светлой святыне,
Грешные души...

Айседора <поэма>

Сегодня пир, сегодня радость солнца,
Сегодня брызги слез в моей душе.
Один я дома, комната тесна,

Один я дома, но зажгу я свечи,
Все яркие и радостные свечи,
Как набожный еврей свой семисвечник
Молитвенной рукою зажигает,
Чтобы невесту Саббат встретить. Радость!
Войди в мой дом, в душе цари и властвуй.
Войди в мой дом, танцуя и ликуя,
Ты – свет моей души, ты, Айседора.

Какая-то таинственная связь
Во мне возникла, – как, зачем, не знаю, –
Меж образом безбольной Айседоры
И мальчиком, давно уж мной забытым,
Еврейским мальчиком, который нес
Проклятье нищеты и умер рано,
И умер рано, в жизни не узнав
О нежном, светлом имени твоём,
Столь сладостно прекрасном, Айседора.
И только с смутной силой ощущал
Полурасцветшею душой, что есть
На свете красота и радость...

Он был немного сторблен, некрасив, –
Еврейские так дети вырастают
В трущобах тесных – чахлые, больные, –
На хилом теле голова большая
Неправильной и угловатой формы,
Подстриженные коротко, неровно
Щетинистые волосы, на тонких,
Немного злых губах усмешка скорби
И что-то старческое в складках рта.
И лишь глаза глубокие, большие,
Как горные прозрачные озера.

Он сыном был портного, в детстве помнил
Старуху молодую – мать, отца,
Склоненного над вечною работой,
Подвал, полоску неба, грязный двор,
Немного травки чахлой у сарая,
Какой-то кустик у ворот и стаю
Крикливых и задорных мальчуганов.

Он был такой прозрачный, хрупкий, нежный,
Он был слабей других, и вот его
За это били и прозвали «Малхамовэс»,
Что значит – ангел смерти.
Айседора!
Ты жизнь и свет, ты жизнь и красота,
Ты радость радости и жизни жизнь...

Он не узнал, что значит слово старость,
Он был нетерпелив, он не дождался,
Он знал лишь детство, отрочество, смерть.

И в детстве раннем свет мелькал порою:
Проснешься радостно и знаешь – Пасха.
Не только что работать, – и ходить
Нельзя сегодня много. Быстро вскочишь,
Скорее в воду окунешь лицо
(Отец не любит заспанных, хоть он
Сегодня добр). Скорее на молитву,
Знакомые слова бормочешь быстро,
Но всё же совестливо, – пропускать
Слова молитвы грех, – вот достоиншь
Перед концом «большое шэминэсрэ»,
А там горячий чай с мацой творожной,
А там игра в орехи на дворе,

И маленькое сердце так трепещет
И бьется, как орешек на доске.
А вечером светла, как радость, скатерть,
И мальчик нараспев, он самый младший, –
Герой и принц, – сначала тихо, тихо,
К концу ж задорно спрашивает деда,
Что значит эта радость, эта ночь.

О Пасха, о божественная радость,
Сухая, как маца, без поцелуев,
Без звонов колокольных, без цветов.
Ты всё ж прекрасна и свята – зачем
Сюда прокралась ты? Иль без тебя
Нет жизни? Посмотри, как эти люди
Бледны и некрасивы, их глаза
В труде потускли, но сияешь в них
Ты, как в глазах у Айседоры...

Пасхальная, весенняя, святая,
Ты радости пылинки золотые
На нас свеваешь – пыль цветов нездешних.
Тебе земных цветов послали люди,
Две розовые яблони, – вокруг них,
Едва зацветших, предвесенне-нежных,
Кружилась ты, как мотылек, кружилась
И славилась зацветшую любовь...

К нему пришла любовь под гул колес,
Под стук машин на дьявольской работе.
Мелькнуло нежное лицо в веснушках,

Зазолотились кудерьки волос.
Как колокольчик прозвенело имя,
Как колокольчик – Дина – колокольчик
Лиловый, средь полей, звенящий солнцу.
Под краном в рот воды набрав, плеснувши
На руки, смывши грязь и копоть дня,
Они спешили – птицы вон из клетки –

К реке, катящей медленные воды,
С холма смотрели на речную гладь
В прощальном свете солнца, а потом
Гуляли под руку в пыли бульвара,
Под музыку военного оркестра,
Среди толпы гудящей – так тянулся
Роман их, словно кто-то уронил
На фабрику цветов, не полевой,
А городской, пробившийся на свет
В газонах жалких сквера.
Скоро
Одна любовь другую заменила:
Неясная, как солнце сквозь туман,
Мечта проникла в бедные кварталы,
В подвалы и лачуги городка,
Зажгла повсюду страсть и бред надежды.
В углах старинных синагог шептались
О чем-то возбужденно. С верой древней
В Мессию, в чудо, – новые слова
Смешались, и звучали странно дико
Те чужеземные слова меж ветхих стен.

И для него настало время страсти,
И страсть преобразила всё, и яркой
Казалась бедность жизни и борьбы.
Над книгами склонялся он всю ночь,
Пока гудок не звал опять работать,
А сердце билось в буйном диком ритме
Ликующего танца Айседоры.

В твоих победных танцах, Айседора,
Звенящая, сияющая медь!
В твоих победных танцах, Айседора,
Я слышу шаг грядущих легионов,
Их полубог ведет, над ним орел,
Над ним орел и гордые знамена!

И знамя реяло – звучите, трубы,
Звучите, трубы, пойте гимн победы,
Герольды, славьте сей турнир прекрасный:
Не рыцари, одетые в доспехи,

Но горсточка подростков безоружных
Врагам бросает вызов. Впереди
В манишке чистой, в галстuke цветном
Идет он, как на праздник. Честь ему
На долю выпала — он держит знамя,
И знамя в слабой худенькой руке
Дрожит и бьется, бьется в гневной дрожи.

.....
.....

Твой труп не выдали родным, в ночи,
Кто знает, где тебя похоронили.
Но если б можно честь тебе воздать,
Но если бы нашлась твоя могила, —
И знаю, что безумная мечта
Мое желанье, — но хотел бы я,
Чтобы на ней, погибший, бедный мальчик,
Чтоб на твоей могиле Айседора,
Безумная, плясала б пляску битвы
И смерти, чтобы волосы ее,
От пляски растрепавшись, пели, пели
Тебе прощальный гимн и чтоб она,
Сорвав цветы с твоей могилы, плавно
И радостно, и радостно, и быстро,
Кружилась, опьяненная цветами,
Весной и солнцем...
Знаю я, что есть
Святая в смерти радость, в жизни радость!

Глухие слова. 1916

I

Меня коснувшись едва,
Прошло, не вылившись в слова,
Волненье вдохновенья;
Еще мелодия в ушах,
И слезы на моих щеках,
Но не сомкнулись звенья —
И песня замерла в устах.
Благодарю за свет, за миг
Надежды, за восторг, за страх
И боль невоплощенья;
За то, что ты светло возник
И вот исчез, туманный лик
Уже забытого виденья.

II

Одна звезда упала,
Сияя сияньем кристалла,
Влажным блеском росинки,
Теплым светом слезинки.
Но пожелать я успел
В тот быстрый миг
(Словно песню я тихую спел
Иль тайну постиг),
Тебе пожелал я счастья,
О, сестра моя!
Тебе пожелал я звездной доли,
О, звезда моя!

III

У заката сегодня краски роз,
Вянущих чайных роз,
Тех роз, которые кто-то принес
И случайно забыл на столе.
И смятые чайные розы лежат,
И какой-то теплый струят аромат
В усталой и алой мгле.

IV

Посв. М. А. Бенеvской

Ты радость вешняя, ты цвет и прелесть мира,
О, неужели ты грустна, больна,
И неуютна и тесна твоя квартира,
И вокруг тебя холодная страна!

Судьбы тяжелые, уверенные цепи,
Чтоб вымолоть для жизни нам зерна,
Бьют по цветам и по колосьям слепо,
Как будто радость васильков нам не нужна.

V

Смотрю в туманный день осенний
Сквозь веток черный переплет
На верный зову опасений
Птиц передзимний перелет.

Летят, летят, за стаей стая...
О, если бы могла велеть
Мне сила мудрая, простая —
Куда лететь, чего хотеть?!

VI

В утро туманное и раннее,
На сером и сыром вокзале,
В тягучей скуке расставания
В холодной мгле, в унылом зале,
Перед разлукой без свидания
Слова прощенья и прощания
Вы сухо, как урок, сказали.

«Ведь это и мое желание,
И ведь иначе не могли Вы».
О странной тайне неслияния
Я думал хмуро и лениво;
Не Вас я слушал (знал всё ранее),
Но где-то болью расставания
Свистящие локомотивы!

VII

Посв. В. М. Рудневой

Не связанный в жизни ничем,
Живу я так скучно:
Равно благосклонный ко всем,
Ко всем равнодушный!

Иду отделен от людей
Дорогой особой:
Мне чужды они со своей
Любовью и злобой.

С одним я народом скорблю
(С ним связан я кровью);
Другой безнадежно люблю
Ненужной любовью.

И медленно вянет душа
И чахнет искусство.
И трудно мне жить, не спеша,
Без цельного чувства.

VIII

В летние ночи плохо спится,
Темно и смутно мне в постели,
Я жду, чтоб утром птицы, птицы
В саду запели, засвистели.

Как лодку ветерок попутный,
Меня повлекши, заструится
Сон, и я буду слышать смутно,
Как нежно-остро свищут птицы.

IX

Мало творческой боли,
Мало было труда,
Мало страсти и воли
И на «нет» и на «да».

И теперь, вспоминая
Лет бесцветную нить,
Проклинаю и знаю:
Надо всё изменить.

Нужны новые силы
И в добре и во зле,
Но унылый, бескрылый
Дух мой никнет к земле.

Ищет твердой опоры,
Ищет темной норы,
Ищет мрака, в который
Заползти до поры.

Чтобы жить, чтобы плакать,
Чтоб иметь свой ночлег
И в осеннюю слякоть,
И в слепительный снег.

И молиться, не веря,
И о чем-то просить,
Душу робкого зверя
Пожалеть, полечить...

Х

Выше пышных курений, курений заката,
В высоте еле зримой, неисследимой
Еле зримые, нежные дымы!
Я едва вспоминаю о том, что когда-то
Вы мною были любимы...

XI

Хрустальная музыка чеховских слов,
Словно с родины зов, словно дальний зов.
Я хотел бы вернуться, о, Боже мой,
Я хотел бы еще вернуться домой!
И увидеть московский монастырь,
Где схоронен он... и поля... и ширь...

XII

Как исследил сердца людские
Ты, нежный, тихий человек,
Всепроникавшим взором Вия,
Не подымая грустных век?

XIII

О, неуимчивое сердце,
Стучишь-стучишь, стучишь-стучишь
В грудь, в глухо запертую дверцу!
Но отзвучишь... Но замолчишь...

XIV

Далёко, одна на кладбище, лежишь ты,
и я на кладбище том не был.
Далёко, одна... Над могилой синеет неяркое, русское небо.
Далёко! И если судьба не захочет, я там никогда и не буду,
И что-то мне шепчет, что я там не буду,
и, может быть, в жизни тебя позабуду.

Есть странная, страшная сила, забвенье – та сила.
Я знаю: быть может, и ты меня тоже забыла.
Ведь если надрежем мы дерево, новые соки его заживляют,
кора зарастает бесследно.
Что было бы с бедной душою без силы целебной,
без силы победной!

Но мнится мне, ты пред концом, с другими,
с друзьями, с родными,
Средь слез расставания вспомнила старое,
старое, полузабытое имя,
Шепнула его и вздохнула с любовью,
иль горечью, или прощеньем,
Наверно, с прощеньем, мой грех невелик был,
наверно с прощеньем.

Мой грех невелик был: я только любил и не лгал пред тобою.
Быть может, так было и нужно, и так суждено мне судьбою —
Тебя разбудить от дремоты, когда же, проснувшись,
с еще полусонной улыбкой
На мир и меня ты взглянула, – уйти, отвернуться
и горькой признать всё ошибкой.

Но мной пробужденная к жизни, ты в жизни осталась,
Забыла, что было, творила, любила, смеялась
И шла без меня такою уверенной твердой походкой,
Как будто и не было той, которую я покидал
заплаканной, бедной сироткой.
Но что же твой образ душе как упрек и как бремя?
О, тяжесть ошибок, которых уже не искупит ни время,
Ни горечь рыданий, ни страстность молитв, которых не смоем

Вся вечность, что будет, и миг отошедший
тяжелыми волнами скроет.
Вся вечность! Такое простое и всё ж невозможное слово
«навечно»:
Над темной могилой струятся всё более темные
и полноводные реки.

Ужели навеки? И вот, когда и меня унесут эти воды,
Не будет свиданья, не будет бессмертья, не будет свободы.

XV

Сердце гонит усталую кровь,
Ширясь чутко и верно.
И сжимается вновь
Мерно, мерно.

Мерно, мерно... Покамест иглой
Старой боли
Тихий кто-то его, тихо злой
Не уколет!

XVI

Посв. Р. И. Гавронской

Как дымно дышат дали,
Как бел победно снег...
Мы так с тобой страдали,
Был судеб беден бег,
Мы долго напрасно ждали
Таких целительных нег!

И вот дождались ныне
Неведомых чудес.
О, дым молочно-синий
Безбережных небес!
Бесследно в снежной пустыне,
Как дым, наш бред исчез.

XVII

Чуть теплится огонь
И сердце чем-то сжато.
Не тронь, не тронь
Цветок без аромата!
Жизнь – как под всадником тяжелым слабый конь.

Нетворческая грусть,
Нет радости в надежде,
Так пусть же, пусть
Всё будет так, как прежде,
Жизнь – скучные стихи, твердые без чувства наизусть.

XVIII

В темной жажде божества,
О, рыбарь, мы ждем ловитвы;
Но забыли мы слова
Для призыва и молитвы.

О, сердец и душ рыбарь,
Ты когда ж расставишь сети?
Затрепещутся ль, как встарь,
Божьи рыбки, – видишь – эти

Истомленные сердца?
Долго ль ждать нам молчаливо,
Чтоб достигли до Отца
Бессловесные призывы?

XIX

Кто, Строгий, спросит отчета,
Кто, Мастер, посмотрит в срок,
Сработана ли работа,
Исправен ли твой урок?

Как дни безнадежно серы,
Как видно всю будничность дел!
Без трудной, радостной веры
Как скуден бедный удел!

XX

Посв. Р. И. Ф.

Не настало время молиться,
Нет в душе и слов для молитв.
Нам завет – в себя углубиться,
Будет сердце медленно биться,
Как в предчувствии бурь и битв.

Говорить придет еще время,
Нужно только слушать, таясь,
Прорастает ли светлое семя,
И носить, как женщинам бремя,
С чем-то тайным темную связь.

XXI

Всё течет, как вода между пальцев.
Как песчинки года жизни пленной.
Где ж пристанище для скитальцев
По холодным вокзалам вселенной?

XXII

Стал кровавой отравой
Утолявший и чистый родник.
Солнце встало со славой,
Но багровым погас его лик!

XXIII

Вновь отогретая земля,
Полна волшебного бродила,
Несметных травок остря
Вверх протолкнула, породила.

Впивают корни жадно ток
Отстоенный, подземный, острый;
И вспыхнули цветы в свой срок,
Как фейерверк внезапно пестрый.

Повсюду долго спавших сил
Стихийно молодые взрывы:
Их дождь весенний оросил
Под бурь гремячие порывы.

И вновь мои тревожны сны,
И ненадолго вновь забуду,
Что так обманчиво весны
Всегда одно и то же чудо!

XXIV

Не знаю, как она придет,
В ночной ли тьме, в дневном ли блеске;
Не с легким ветром ли впорхнет,
Чуть шевельнувши занавески;
От книги глаз не подыму,
Ее почуяв за спиною,
Но вздрогну, вспомню и пойму,
И медленно, сухой рукою,
Глаза усталые закрою...

XXV

Ах, жизнь была разнообразной
И всё же истомила скукой;
Была ненужной, праздной мукой
Или забавой столь же праздной;
Во что-то верою напрасной
И в чем-то лживою порукой...
О, дорогая, забаяюкай
Песенкой тихой и несвязной!

XXVI

В мире простом, со всеми в мире,
Я твердо жить хочу – в тепле,
В уютной и жилой квартире,
Не думая о зле, о мгле.
Но нет, не быстрое ль движенье
Земли среди планет, в эфире
Дает мне головокруженье?
И вот мне неуютно в мире
На твердой и земной земле.

XXVII

На день в вагоне жизнь кажется мне сегодня похожей:
Тряска, копоть и каменный уголь
Проникают в уши и в глаза черной пылью.
Жизнь мне кажется похожей на каменные и железные вокзалы,
На их холодные, пыльные залы.
Даже ты не утешила меня, подруга
Светлая, у которой ищу утешенья.
Ты тоже
Бессильна...

XXVIII

Дождь, затихая, еле-еле
Незвучно к нам в окно стучит.
И в затененном свете лампы
Белеют по стенам эстампы.
Вещей знакомых милый вид.

Какое странное прозреньё,
Какая боль, какой испуг!
О, неужели, неужели
Нам суждено с тобой без цели
Скитаться в мире, бедный друг?..

Переводы. Из Гёльдерлина (1770–1843)

I. К Паркам

Одно лишь лето дайте, вы, мощные,
Одну лишь осень зрелых напевов мне,
Чтоб легче сердце, сладким пеньем
Долу насытившись, умерло бы.

Ведь душам, в жизни не воплощающим
Извечных и божественных прав своих,
Не даст забвенья даже Лета.
Если же песнь моя мне удастся:

Привет тебе тогда, ты, о мир теней!
Я буду светел, если б и не было
Со мной там лиры. Всё ж однажды
Жил я, как боги, а это – благо.

II. «Душа приятное в сей жизни уж вкусила...»

Душа приятное в сей жизни уж вкусила.
Где то, что в молодости было мило?
Апрель и май, июнь прошли. Как дни унылы!
Что я? Ничто. Жить не хочу, нет силы...

III. «Увесили вы берег...»

Увесили вы берег
Над озером розами
И желтыми цветами,
О, милые лебеди;
И в безумии страсти
Погрузили голову
В священную, трезвую воду.

Увы мне, где обрету я,
Когда зима настанет, цветы
И сияние солнца,
И тень земную?
Стены стоят
Безмолвны и холодны, под ветром
Треплются флаги.

IV. Вечерняя фантазия

Под мирной сенью хижины пахарю
Очаг отраден, малым доволен он.
В долине путник слышит звоны,
Колокол тихий на близкой церкви.

Вернулись в гавань все корабельщики,
Далекий город шумы веселые
Смиряет. Тихо. И в беседках
Мирно друзья коротают вечер.

А что же я? О, если б я жил, как все,
Труда поденщик, в смене размеренной
Забот и мира. Спят все. Что же
В сердце моем не смирилось жало?

В вечернем небе, словно весна цветет,
Несчетны розы. В славе и золоте
Сияет мир. Туда, туда бы
К тучам пурпурным, там в свете и в воздухе

Растает, растворится и жизнь, и боль!
Мольбой ли глупой испугнуто, кануло
Очарованье? Смеркло. Снова
Я одинок, как всегда, под небом.

Приди же, сладкий сон! Слишком много
Так жаждет сердце! Но отпылаешь ты,
Мечтательная так тревожно
Юность... И ясною будет старость.

V. Прощанье

(Диотиме)

Если я со стыдом сгину, и дерзким, им
Не отмщу и сойду в гроб обесславленным,
И меня одолеют
Силы, духу враждебные —

Пусть тогда и тобой буду забыт, навек,
О, красней за меня, мучься и ты стыдом,
Ты, любимая мною!
Нет, и тут пусть не будет так!

Но предчувствую я: буду один, один...
Гений светлый, и ты бросишь! И духи лишь
Смерти будут мне струны
Сердца, струны все, рвать и рвать.

Кудри юности, о, осеребрите же!
Краток будет мой день, завтра же что нас ждет?..
...меня на пустынный здесь
Двух дорог перекресток
Боль разящая кинула!

VI. «В молодые годы был я так утру рад...»

В молодые годы был я так утру рад,
И плакал горько вечером! Ныне же
Я день сомненьем начинаю —
Радостен, свят мне тихий мой вечер.

Прозрачные тени. Образы. 1920

«Благословляю малый дар...»

Благословляю малый дар,
Скупой огонь, возжженный Богом.
Его питает сердца жар,
Но не разжечь в большой пожар
Его ни бурям, ни тревогам.

Благословляю тайный знак
Далекой красоты духовной.
Мой уголек, мой алый мак.
Не от него ли сердце так
Тревожно бьется и неровно?

«О чем-то светлом все еще мне снится...»

О чем-то светлом всё еще мне снится.
Надеждой замыкаю каждый день.
Но вот уже мне на руки ложится
Еще не близкой ночи тень.

Как прежде верю: будет всё иное.
Но изредка уж прозреваю я:
Всё то, что было в жизни здесь со мною —
Судьба моя и жизнь моя!

«Нет ничего в душе моей, что б людям рассказать...»

Нет ничего в душе моей, что б людям рассказать.
Нет драгоценных в ней камней, нет драгоценных дней,
Нет слов поющих, словно мать, чтоб боль людскую укачать.
Чем боль людскую мне унять, что буду делать с ней?

Я боль одну, свою, люблю, о ней одной пою,
Ее я людям отдаю, ее, мою, другим.
Что делать людям с болью той, с ее певучей красотой?
У них своя. Не стой, не пой, не будь помехой им!

У них своя, как у тебя, у каждого своя.
И замкнут каждый человек в ту боль свою навек.
И каждого влечет ладья по быстрым водам бытия...
Моя погибнет иль твоя? и где же устье рек?

«Мы в пуховом уюте гнезд...»

Гр. Н. В. Толстой

И бездна нам обнажена.

Тютчев

Мы в пуховом уюте гнезд
Лежим, не видя светлых звезд,
Ни темного вокруг них эфира.
Но в дни великих перемен
Разомкнут круг и мирный плен
Безмерной пустотою мира.

Не кровь, не ужасы страшны,
А странные под утро сны
И ночью тишина бессонниц
И шорохи невнятных слов
И гуд немой колоколов
С подземных, с отдаленных звонниц;

И ветер, что встает и рвет
С стоячих, милых, тихих вод
Загнившую цветисто ряску;
Блеск темный глаз, зубов оскал,
Который жутко засверкал
Сквозь приглядевшуюся маску.

«За стеною я слышу чтение...»

За стеною я слышу чтение,
С остановками, по складам...
Видно, много нужно терпенья,
Чтоб прочесть бульварный роман.

Женский голос глухой и печальный...
Я почти не слышу слов.
Только тихий темп музыкальный
Долго-долго я слушать готов.

О исканья того же духа,
Что живет во мне и со мной:
Этот голос, звучащий глухо,
Заглушенный двойной стеной.

Как молиться молитвой чудесной,
Как молитву отдать словам,
Чтоб открылся, и мне безвестный,
Духа мир, – чтоб открылся вам!

«Ты спишь неслышно рядом...»

Ты спишь неслышно рядом,
Дай дверь приотворю.
На миг одним хоть взглядом
На тебя посмотрю.

Ни шороха, ни слова!
Но так мне в тишине
Спокойно от родного
Дыханья во сне.

Слегка оправлю косы,
Едва коснусь волос...
Как будут свежи росы
Утром у роз!

Ожерелье

Меж нами память нижет ожерелья
Из наших утр, дней, вечеров, ночей.
Алмазы радости, стразы веселья,
Кораллы боли. Полные лучей
Опалы слез. И черные печали
Жемчужины. И розовый, как дали
Под утро, жемчуг нашей алой зорьки.
И между всех, из тайных недр их вынув,
Вплетает память (милый миг и горький!)
Осколки утомительных рубинов.

«Я не знаю, играет ли сладостный хмель...»

Я не знаю, играет ли сладостный хмель,
Золотой жужжит ли в нем шмель,
Но ужалено сердце любовью такой
И такой пьянящей тоской.

О, шмель волшебный, жужжи, гуди!
Трепещи, ворожи в груди.
Как сияют, как искрятся крыльца твои
Многоцветной пылью любви!

Гроза

Всё вспыхнуло огнем.
Зазубренным зубцом
Рассекла небо молния.
А там вдруг топором
Рубнул по тверди гром.
И грубым топорищем
Ударил он потом
По бочек грузным днищам.
И бочки, влагой полные,
Как полный водоем,
Вниз пролились дождем!

Закат

Розовы заката огни.
Свежи ароматы в тени.
Вечер тих и матов – взгляни.

Нежно-огневая вода.
Небо – окон рая слюда.
Тучка дождевая – куда?

Ливня отзвенела струна.
Небо засинело без дна.
Золото зардело руна.

Тени навевая, стеля,
Тьмою напоая поля,
Ночь слетает, тает земля...

Рондель

Не Сонет, размеренно четкий,
Не его ровный холодный свет,
Не его строфы, четкие четки, —
Не Сонет.

Нет, Рондель изберет поэт,
Чтоб в ее быстрый, волшебнo-короткий
Блеск – воплотить свой мгновенный бред.

Только Рондель грациозна кроткой
Грацией девочки в пятнадцать лет
С тонкою шеей, окаймленной бархоткой —
Не Сонет!

К книге «Рондо ронделей»

Fly, white butterflies.
Swinburne

Летите, летите, рондели,
Летите, бегите, спешите,
Без думы, без воли, без цели
Летите!

Как осенью легкие нити
В полях паутины летели,
Летите и душу маните.

Как жаворонка легкие трели,
Как легкие волны отплывай,
Как легкие звуки свирели —
Летите!

«Не все ли равно мне, где жить и томиться...»

Не всё ли равно мне, где жить и томиться
Любовью земной и печалью земной,
Откуда к безвестному страстно стремиться?
Ах, всё равно! всюду я буду молиться,
Любить красоту и дышать тишиной.

Россия далекая, образ твой помню,
Но вижу в мечтах столь прекрасной тебя,
Что, может быть, дома я был бы бездомней!..
Не всё ли равно мне, не всё ли равно мне,
Где верить в тебя мне, где помнить, любя?

А если забвенье в душе уничтожит
Тоску по тебе, неразумную боль, —
Что ж! Тем, кого совесть бессильно тревожит,
Кто биться не хочет, забыться не может,
Где жить и где быть им – не всё им равно ль?!

Здесь умного, бодрого гость я народа,
Здесь больше смеются и легче живут,
Светлей здесь, изящней и ярче природа,
Здесь даже на тюрьмах есть надпись «свобода»
И ласковой смерть и упорнее труд.

Здесь так же вдыхаю я полною грудью
И пряный и сладостный воздух весны.
Здесь так же иные бесценны мне люди,
И так же молюсь я о радостном чуде
И вижу тревожные, странные сны.

Весною и здесь благоуханные ночи
Полны до краев темнотой, тишиной,
Когда лишь приблизившись, милые очи
Влюбленные видят, а речи короче
И словно насыщены тьмою ночной.

И здесь буду жить я и, может быть, долго!
И здесь я умру, если так суждено...
Что ж кажется жизнь мне здесь бременем долга,
Что ж снится мне Север, Москва моя, Волга?!
И плачу во сне я... О, не всё ли равно!

Возвращение

Я вижу твое искаженное злобой и страстью лицо,
Россия, Россия!
К тебе приковало меня роковое какое кольцо?
Неразрывные цепи какие?

Я так стремился к тебе, и еле тебя узнаю:
Вдохновенную, мерзкую, злую, святую,
И, быть может, великую, только не ту, не мою,
А другую, другую!

«Не в светлый год, а в скорбный год...»

И. И. Фондаминскому

Не в светлый год, а в скорбный год
Вернулся я на Русь.
И вот живу, и вот, и вот
Кошунственно молюсь!

Благодарю Тебя, Господь,
Что дал Ты благо мне
Всё пережить и обороть
И быть в родной стране.

Благодарю свою судьбу,
Что кончен долгий сон,
Когда я заживо в гробу
Был тесном погребен.

И мир казался наг и пуст
И сух, как голый куст,
И воздух тяжело, душно густ
Для страдных, жадных уст.

Пусть услышал я в злой июль,
Как пенье странных птиц,
Те свисты, всхлипы, взвизги пуль
На улицах столиц.

Услышал грохоты громов
И скрежеты зубов,
Как будто вои мертвецов,
Восставших из гробов.

Увидел бедную страну,
Страну надежд моих,
Как бесноватую жену,
Что в корчах бьется злых.

Но всё во мне кричит, вопит:
Я жив, я жив, я жив!
Кругом распад, разгул и стыд.
Но я, я жив, я жив!

Смерть стережет, как хитрый зверь,
Висит над головой.
Но если я умру теперь —

Я в жизни жил – живой!

«И вот опять, вот опять мы здесь, в Москве, с тобой...»

И вот опять, и вот опять мы здесь, в Москве, с тобой.
И эту радость испытать нам суждено судьбой:
С тобой прийти к истокам вспять, о, друг любимый мой.

Здесь можно меньше тосковать, забыть, что близко дно,
Здесь можно жить да поживать, а как, не всё ль равно!
И горе легче избывать, коль горе суждено.

Быть может, будет жизнь легка и милосердна к нам,
И рока поведет рука по мирным нас тропам.
Здесь можно жить легко, пока не оскудеть годам.

И жизнь так не замечать, как воздуха кругом,
Словно рассеянно читать романа милый том,
Не ждать, не думать, не гадать о том, что ждет потом.

И в рое будничных забот, забав, затей, труда
Здесь можно будет кончить счет, когда придет чреда,
Чтоб скрыться с глаз за поворот пути, идя куда?..

«О, что здесь есть, кроме усталости?..»

О, что здесь есть, кроме усталости?
Смотрю на вас, друзья мои!
Немного мудрости и жалости,
Немного боли и любви;
Да тень прозрачная вечерняя —
Еще не близкой смерти час,
Да жизни будничные тернии,
Деля, соединяют вас!

Ночные тени

Мне тени мертвые предстали
На краткий час.
Слова забытые шептали
Еще мне раз.

Припоминали всё, что было
Давно-давно.
Что сердце бедное забыло,
Как суждено.

И было мне немного страшно,
Слегка, чуть-чуть.
Тоской и радостью вчерашней
Сжимало грудь.

Немного страшно, неудобно
На беглый миг
Увидеть с яркостью минутной
Былого лик.

Или магическое средство,
Безбольный яд,
Вернули юность мне и детство
На миг назад?

Когда бы это просто память
Зажгла свечу,
Я зажигал ее бы пламя,
Когда хочу.

Нет, без желанья, против воли
Пришли они,
Сгустившись в каплю сладкой боли,
Былые дни.

Перед отплытием

Совсем небольшой ныне стала земля,
Который уж год:
С тех пор, как вдали, клубы дыма стеля,
Легко бороздя водяные поля,
Бежит пароход.

Совсем небольшой и уютно земной
Уютом квартир,
Знакомой, доступной, обычной, родной.
Она не загадочный и не иной
Таинственный мир.

Но вот я хочу увидеть красоту
Ее – до конца.
Как каждую перед разлукой черту
И каждую складку, и эту и ту,
Родного лица.

Чтоб стало еще мне милей и родней
Родное мое.
Чтоб душу насытить всей прелестью дней
И без сожаленья покоиться в ней,
Уйти от нее!

В Японии

I. Рисовые поля

Деликатные усики риса дрожат,
Не поля, а игрушечный сад.
Грядок тоненьких светло-зеленых ряды
Из-под темно-зеленой воды.

Деликатные усики риса дрожат.
Ряд и ряд, ряд и ряд – квадрат.
Как квадратиков шахматных точны ряды,
Как фарфоров глянец воды!

Деликатные усики риса дрожат,
О, Япония, – ласковый сад.

II. Токио

По улицам Токио
Туфли шуршат.
Башмаки деревянные
– Ток-ток – стучат.
Люди странные,
Поклоны глубокие.
Какие далекие,
Какие обманные
На улицах Токио
Огни дрожат...
Дни ворожат...
Сны сторожат...
В цветистом потоке я
Иду наугад.
И чуждую душу я
Рассеянно слушаю:
Башмаки стучат...
Туфли шуршат...
Люди спешат...

III. Сайонара

Вере Инбер

Мать с сынком своим играла,
Наклонялась, убегала,
Вновь сначала начинала,
Улыбалась и кричала:
«Сайонара» —
До свиданья.

И хорошенький япончик,
Круглый, пухленький, как пончик,
Хохоча всё звонче, звонче,
Кимоно ловил за кончик:
«Сайонара» —
До свиданья.

Любовался я простою
Этой милою игрою,
Вспоминая, что порою
Так мой сын играл с женою:
«До свиданья» —
Сайонара.

Разве я чужой, прохожий?
В мире всё одно и то же.
Разно так и так похоже!
Вот уеду – ну так что же?
«Сайонара» —
До свиданья!

«О, стихи, вы никому не нужны!»

О, стихи, вы никому не нужны!
Чье отравит сердце сладкий яд?
Даже те, с которыми мы дружны,
Вас порой небрежно проглядят.

И одна, одна на целом свете
Ты теперь, быть может, после дочь
Полно примут в душу строфы эти,
Над которыми я плакал эту ночь.

Образы

Сезанн

М. Ф. Ларионову

Вот яблоки, стаканы, скатерть, торт.
Всё возвращаться вновь и вновь к ним странно.
Но понял я значение Natures mortes,
Смотря на мощные холсты Сезанна.

Он не поэт, он першерон, битюг.
В его холстах так чувствуется ясно
Весь пот труда и творческих потуг.
И все-таки создание прекрасно!

В густых и выпуклых мазках его,
Как бы из туб надавленных случайно,
Царит, царит сырое вещество,
Материи безрадостная тайна.

На эти Natures mortes ты не смотри
Лишь как на внешние изображения.
Он видит вещи словно изнутри,
Сливаясь с ними в тяжком напряжении.

Не как Шарден, не так, как мастера,
Готовые прикрасить повседневность,
Которых к Natures mortes влечет игра,
Интимность, грациозность, задушевность.

Сезанн не хочет одухотворить
Их нашим духом, – собственную сущность
Дать выявить вещам и в них явить
Материи живую вездесущность.

И гулкий зов стихии будит в нас
Сознание мировой первоосновы.
Ведь семя жизнь несет в зачатия час
И в корне мира Дело, а не Слово.

Утерянное он нашел звено
Между природой мертвой и живою...
Как странно мне сознание мировое
Того, что я и яблоко – одно.

Ван-Гог

Н. С. Гончаровой

*О, бедный безумец Ван-Гог, Ван-Гог!
Как гонг печальный звучит твое имя...*

Сновидец небывалых снов, Ван-Гог!
Стою захвачен вихрями-холстами.
Кто показать с такою силой мог,
Как жадными насытыми устами
Подсолнечники желтые, как пламя,
Пьют солнца раскаленно-белый ток?
Порою ты, как буйный демагог,
Вопишь с холста, и краски – бунт и знамя.

О, красные и синие фанфары,
О, этот крик, сияющий и ярый,
О, желтые и алые снопы!
И это рядом с «комнатой» убогой,
Где дышит всё гармониею строгой,
Где тихо всё и всё – не для толпы.

В Пушкинском музее А.Ф. Онегина

I

Какое странное виденье!
Кругом живет, бурлит Париж,
Моторов резкое гуденье
Прорезывает улиц тишь;
В ушах еще слова чужие
И блеск толпы чужой в глазах,
А здесь – не дальняя ль Россия
И не в тридцатых ли годах?

II

Рисунки, и книги, и вещи...
Ах, то, что мертво – то мертво!
Но голос не шепчет ли вещий

Здесь светлое имя его?
Лица столь знакомого очерк,
Исчерченный им манускрипт,
Всё, всё и не самый ли почерк —
Ключи от таинственных крипт,
Где мрак чуть зазубрили свечи,
Где дух его веет и вот
Бесплотную руку на плечи
Мне тихо и строго кладет.

Продавец картин

Умный, грустный, с большим лбом и кожей
В складках иронических – вот так.
Флегматично сильный, не тревожа
Мир чрез мир идущий, чуть похожий
На больших, худых, не злых собак.

Был и анархистом... Надоело!
– Голодать. Статьи писать. Мечтать.
Может быть и будет – что за дело!
Только нет: упорной, черствой, целой
Жизни не сломать ведь, не сломать.

Книги брось, пройдишь-ка по Парижу,
Громко проклинай иль зло шепчи
Городу глухое «ненавижу».
Он в ответ: «Людей, как бисер, нижу
В ожерелья. Покорись! Молчи!»

Покорился. Мускулы упруги,
Гибок ум. На ум здесь есть цена.
Дни и годы – круги, круги, круги.
Так женился. Ласковой подруги
Принял ношу он на рамена.

Опьянялся книгами, стихами,
Красками сияющих картин,
Сладкими прекрасными грехами,
Пьяными и острыми духами.
Но порой вставал в нем мутный сплин.

И когда в гостях у principala
Шелестел нарядов пышный шелк
И сияли нежных плеч опалы,
Просыпалось то, что тайно спало:
В добром псе – свободный, злобный волк.

И тогда вдруг становилось жутко
Томной собеседнице его.
«Что я – дама или проститутка?
Он влюблен иль это только шутка?
Злая шутка, больше ничего!»

И жена, ребенок, парижанка,
Элегантно-милое дитя,
Думала (а в сердце ныла ранка):
«Для него я словно иностранка».
И звала домой его, шутя.

И в auto ему слегка ласкала
Руку гантированной рукой.
И пугалась вдруг зубов оскала,
Пламени, которое сверкало
В глуби глаз его глухой тоской.

Дома же огромными шагами
Он ходил, как в клетке, по ковру.
О борьбе с какими-то врагами
Грезил. И топтал врагов ногами!
Так всю ночь. И шел в бюро к утру...

Париж

Париж суровый, темный, черный.
Как ночь темна, но как звездна!
Как четко в небе видны зерна —
Звезд золотые семена.

Туманно-пыльный, дымно-белый
Рефлектора молочный луч
Пантерой вкрадчивой и смелой
Бросается на груды туч.

Тупым концом большого клина
Обшаривает небосклон:
Не видно ль призмы Цеппелина,
Не тут ли вражий авион?

Иду и пью холодный воздух.
Какая тьма, какая тишь!
Какой прекрасный строгий роздых
Средь бурь и битв твоих, Париж!

Памяти Яковлева¹

Он твердо жил и твердо умер,
Из материалов крепких сбит.
Чужой мундир. На кэпи номер
Чужого счета. Он убит!

Убит так быстро, так мгновенно.
Он умер, а не умирал.
Как будто силой сокровенной
По сердцу смерть себе избрал:

Такую быструю, простую,
Бесхитростную. Умер вдруг.
Не сожалея, не тоскуя,
Без долгой агонии мук.
Как будто в жизнь его иную
За руку твердо вывел друг.

Пленные

Пленные вяло шли,
Серые, обыкновенные,
Дети тяжелой земли,
Пленные.

Словно каждый их шаг
Делал возврат безнадежнее,
Глубже окутывал в мрак
Прежнее.

Только один офицер
В позе искусственной гордости
Дать им старался пример
Твердости.

Чтоб аккуратнo шаги
Землю французскую мерили,
Чтобы в мощь немцев враги
Верили!

Шаг был уныл у солдат,
Лица ж их грустными не были...

¹ С.-р, эмигрант, погибший волонтером во французской армии.

Жизни ли каждый был рад?
Хлебу ли?

О покоренной земле
Греза исчезла ль их смутная,
Чадно зачатая в мгле,
Мутная?

Рок уж не будет всегда
Смертью грозить им иль раною.
Радости смесь и стыда
Странная —

В них... Чистота и покой
Душ, где уж бой еле помнится,
Тихо безбольной тоской
Полнится.

Жадно смотрела толпа:
«Те, кто к войне нас принудили,
Те, чья жестокость слепа,
Люди ли?

Люди, как мы, лишь полней,
Плотные, белокурые,
Только грубей и грустней,
Хмурые.

Только мундиров покрой
Странный, да длинные бороды». ...Пленные шли как сквозь строй
Города!

Марат

Кутается в теплый халат Марат
От жара и от озноба.
Глаза горят и руки дрожат,
Он людям брат, он не злой — Марат!
Но он проклял мир, как проклятый ад,
И в душе — горящая злоба.

Он пишет, и пишет, и пишет — Марат.
Каждый день листки корректуры.
Глаза болят, ночники чадят,
Он тяжело дышит и пишет — Марат,
В промежутках глотая микстуры.

На лице, на руках, на теле – сыпь.
Словно сердца горячая лава
Прорвалась, как фурункулов гнойная сыпь.
Ночью мучат сны – страсти мертвая зыбь,
И встает он, как птица ночная, как выпь,
И строчит фельетон кровавый.

Это боль и грязь, это стыд и грязь
Всей неправды земной, окаянной,
Что веками копилась и вот прорвалась.
Он пишет и кровью дышит, смеясь...
И пахнет удушливо ртутью мазь,
И стынет горячая ванна...

Принцесса Луиза

«Vite, vite, au paradis, au trot, au galop!» Это
Перед смертью в бреду говорила принцесса Луиза.
О, галопом в рай! Кто смеет остановить карету
Дочери короля? Или Дю-Барри, или маркиза
И в рай посмеет пробраться интригами
И будет на выходах Бога ближе к нему, чем она?!
И там в раю посмеются над ее власяницей, над ее веригами,
И будет даже в раю она не нужна!
Или напрасно она променяла весь блеск Версаля
На крохотную келью монастыря?
Она не могла смотреть на эти нравы серала
Людовика Пятнадцатого, ее отца, короля.
Сколько раз она мечтала о подвигах Баярда,
Александра, Вобана. Но, увы, для принцессы
Суждены только выходы, танцы, приемы и карты,
Интриги, и сплетни, и сухие бездушные мессы!..
И она постриглась. И ей удивлялась Европа.
«Кучер, прямо в рай, поскорее, рысью, галопом!»

Кавалер

Ночь, и тишь, и имя «Мэри»
В тихом сердце. Завтра бой.
Эти люди, эти звери
Там за дымкой голубой.

Близок час борьбы и гнева,
Уж недолго до зари.

Нынче имя королевы
Будет лозунг наш: «Marie!»

Это имя, имя «Мэри»,
Светлой девушки моей.
Ждут, быть может, нас потери,
В грозный час я буду с ней.

Песни гордости и славы
Будем петь пред битвой мы,
А враги тянуть гнусаво
Хриплым голосом – псалмы.

Затрещат вблизи мушкеты,
Наши души веселя.
Вспомним мы свои обеты
Умереть за короля.

Наша истинная вера
Даст мне мужество в бою.
Я, быть может, Оливера
В схватке встречу и убью.

Иль, кто знает, в миг опасный
Королевского коня
Под уздцы рукою властной
Я из вражьего огня

Увлеку. И будет в гневе
Мне король грозить мечом.
Но, простивши, к королеве
Он пошлет меня гонцом.

Возвещу я ей победу,
Сообщу, что жив король,
И с почетом с нею въеду
Я пажом ее в Вайтголь.

Мне с тех пор, как я из школы
Убежал – не жизнь, а рай!
Стану ль я твердить глаголы,
Коль в беде родимый край?

Прочь пандекты и трактаты
И проклятую латынь!
Одевай, как воин, латы,
Жизнь в игру, как ставку, кинь!

Пусть отец грозитя высечь

И проклясть, как Хама – Ной.
Нас здесь юных много тысяч,
Он в душе гордится мной.

И гордится мною Мэри...
Помню, помню старый сад,
Молоток у милой двери,
Розы, плющ и буков ряд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.